

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

Тимур Анатольевич Майсак

**ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ В НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ:
ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ, ДИАХРОНИЧЕСКИЕ И АРЕАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Резюме
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва 2023

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт языкознания Российской академии наук.

Публикации

На защиту выносятся перечисленные ниже десять статей. Семь из них входят в базы данных Scopus или WoS, все семь опубликованы в журналах, входящих в 1-2 квартиль в базе данных Scopus.

1) Maisak T. Morphological fusion without syntactic fusion: The case of the “verificative” in Agul [Морфологическое слияние без синтаксического: «верификатив» в агульском языке] // *Linguistics*. 2016a. 54(4). 815–870. (Scopus Q2, список А)

2) Maisak T. Subject pronoun doubling in Agul: Spoken corpus data on a rare discourse pattern [Дублирование субъектных местоимений в агульском языке: редкая дискурсивная конструкция по данным устного корпуса] // *Studies in Language*. 2016b. 40(4). 955–987. (Scopus Q1, список А)

3) Maisak T. Borrowing from an unrelated language in support of intragenetic tendencies: The case of the conditional clitic =sa in Udi [Заемствование из неродственного языка в поддержку внутригенетических тенденций: условная клитика =sa в удинском] // *Diachronica*. 2019a. 36(3). 337–383. (Scopus Q1, список А)

4) Maisak T. Repetitive prefix in Agul: Morphological copy from a closely related language [Префикс повторного действия в агульском языке: морфологическое копирование из близкородственного языка] // *International Journal of Bilingualism*. 2019b. 23(2). 486–508. (Scopus Q1, список А)

5) Maisak T. Relative clauses in Agul from a corpus-based perspective [Относительные клаузы агульского языка в корпусной перспективе] // *STUF – Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2020. 73(1). 113–158. (Scopus Q2, список В)

6) Maisak T. Endoclitics in Andi [Эндоклитики в андийском языке] // *Folia Linguistica*. 2021a. 55(1). 1–34. (Scopus Q2, список А)

7) Maisak T. Numeral classifiers in Udi: A unique contact-induced development among Nakh-Daghestanian? [Числовые классификаторы в удинском языке: уникальное контактное развитие в нахско-дагестанской семье?] // *Journal of Language Contact*. 2021b. 14(2). 330–367. (Scopus Q2, список А)

8) Майсак Т. А. Причастные формы в видо-временной системе агульского языка // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2012. VIII(2). 228–289. (Список D)

9) Майсак Т. А. Типологическое, внутригенетическое и ареальное в грамматикализации: данные лезгинских языков // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2016a. XII(1). 588–618. (Список D)

10) Майсак Т. А. Причастные относительные предложения в удинском языке по корпусным данным // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2020. 2(28). 46–65. (Список D)

Результаты диссертационного исследования также представлены в следующих пяти публикациях:

1) Майсак Т. А., Мерданова С. Р. Будущее время в агульском языке в типологической перспективе // *Вопросы языкознания*. 2003. № 6. 76–107. (Scopus Q4, список В)

2) Майсак Т. А. К публикации кавказско-албанских палимпсестов из Синайского монастыря // *Вопросы языкознания*. 2010. № 6. 88–107. (Scopus Q4, список В)

3) Майсак Т. А. Перфект и Аорист в ниджском диалекте удинского языка // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2016б. XII(2). 315–378. (Список D)

4) Майсак Т. А., Мерданова С. Р. Перфект и смежные значения в агульском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2016в. XII(2). 379–422. (Список D)

5) Майсак Т. А. Согласование по множественному числу в удинском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2017. XIII(1). 680–724. (Список D)

Апробация работы

Основные положения и результаты исследования обсуждались в 2013–2022 гг. на 10 международных конференциях:

- Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (2013);
- Системные изменения в языках России (2014);
- Типология морфосинтаксических параметров (2013, 2017, 2022);
- Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society (2018);
- Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (SLE) (2017, 2019, 2020);
- Causal constructions in the world's languages (synchrony, diachrony, typology) (2021);
- Conference of the Association for Linguistic Typology (2017, 2019);
- International Morphology Meeting (2018);
- Syntax of the World's Languages (2014, 2018);
- Tense, aspect, modality and evidentiality in Nakh-Daghestanian languages (2013).

По теме диссертации было сделано 16 устных докладов.

Исследования, вошедшие в диссертацию, были поддержаны грантами:

- РФФ 14-18-02624 «Диахронически нестабильные аспектуальные категории»,
 - РФФ 14-18-02429 «Корпусные исследования предикатно-аргументной структуры предложения в нахско-дагестанских языках»,
 - РФФ 18-78-10128 «Когда глагол не глагол: нефинитные конструкции в языках России»,
 - РФФИ 18-012-00852 «Морфосинтаксис андийского языка: опыт внутригенетической типологии»,
 - РФФ 13-04-00345. «Структура и эволюция видо-временных систем: формы индикатива лезгинских языков»
- и Программой фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

1. Введение

В настоящую диссертацию включены статьи, в которых рассмотрены типологические, диахронические и ареальные аспекты грамматикализации в нахско-дагестанских языках, главным образом в системе глагола. Исследования выполнены преимущественно на материале агульского и удинского языков лезгинской группы и андийского языка аваро-андийской группы, в качестве сравнительного материала привлекаются данные других языков семьи.

Под *грамматикализацией*, вслед за такими ведущими представителями данного направления исследований, как Х. Леман, Б. Хайне, Дж. Байби, П. Хоппер, Э. К. Траугот и др., мы понимаем, в самом широком смысле, процесс создания грамматических структур или, в более распространенной формулировке, процесс превращения конструкций, как правило, содержащих лексический материал, в грамматические показатели. Интерес к исследованию грамматикализации, оформившемуся в качестве самостоятельного теоретического направления в рамках функциональной лингвистики лишь в 1980-е годы, не спадает и сейчас. Только за последние несколько лет появился целый ряд новых обобщающих работ в русле теории грамматикализации, в том числе дополненное издание «Всемирного лексикона грамматикализации» [Kuteva et al. 2019], новый учебник по грамматикализации [Narrog, Heine 2021] и ряд фундаментальных коллективных трудов, содержащих обзоры процессов грамматикализации по конкретным языковым семьям [Narrog, Heine 2011; Narrog, Heine 2018; Bisang, Malchukov 2020a, 2020b]. Сказанное выше применимо и к *ареальным исследованиям* и обсуждению проблем языковых контактов как между неродственными, так и между родственными языками. Это направление переживает в последние годы настоящий бум, связанный не в последнюю очередь с обнаружением значительного варьирования в области материальных и структурных заимствований в морфологии, см. прежде всего [Johanson, Robbeets 2012; Wiemer et al. 2012; Vanhove et al. 2012; Gardani et al. 2015]. На пересечении теории грамматикализации и исследования языковых контактов стоит проблематика, связанная с грамматикализацией, вызванной контактом (*contact-induced grammaticalization*), при которой процесс грамматикализации происходит под влиянием грамматической системы другого языка [Heine, Kuteva 2003]. К сожалению, языки Кавказа, в особенности нахско-дагестанские языки, пока представлены как в исследованиях по грамматикализации, так и в ареальных исследованиях лишь в небольшой степени.

Языки *нахско-дагестанской семьи*, одной из трех автохтонных языковых семей Кавказа и самой многочисленной по числу входящих в нее языков, в настоящее время все еще остаются недостаточно описанными. Хотя с каждым годом появляются новые грамматические описания и словари языков этой семьи, далеко не все грамматические явления этих языков получают подробное описание и теоретический анализ. Это касается как ядерных аспектов грамматики, в том числе, например, устройства глагольной системы, так и, в еще большей степени, периферийных областей вроде функционирования отдельных синтаксических конструкций или употребления клитик. Настоящая диссертация отчасти восполняет данную лауну, предлагая описание и теоретическое осмысление ряда явлений нахско-дагестанских языков, ранее не привлекавших достаточного внимания. Эти явления рассмотрены как во внутригенетической перспективе (в понимании А. Е. Кибрика, [Kibrik 1998]), т. е. на фоне языков той же семьи или группы, так и в более широком типологическом плане. В ряде случаев в фокусе находится ареальное взаимодействие, поскольку мы имеем дело с контактно-обусловленными явлениями — это могут быть контакты как с неродственными языками (ср. влияние азербайджанского языка на лезгинские), так и между языками одной генеалогической группы.

Десять вошедших в диссертацию статей разделены на три тематические части. В трех работах первой части анализируется употребление причастий в составе аналитических видо-временных форм агульского языка, а также в модифицирующих причастных клаузах агульского и удинского языков. Во второй части, включающей три статьи, рассмотрены ареальные аспекты грамматикализации в лезгинских языках: заимствование числового классификатора и условной клитики в удинский язык как примеры материального копирования из неродственных языков и заимствование рефактивного преверба из лезгинского в южные диалекты агульского языка как пример «внутригруппового» влияния лезгинских языков. Наконец, в четырех статьях, вошедших в третью часть, исследованы примеры возникновения не только внутригенетически, но и типологически редких структур: это верификативные формы и постглагольное дублирование местоимений в агульском и эндоклиза в отрицательных глагольных формах андийского языка.

Часть из рассмотренных явлений — употребление числового классификатора и условной клитики в удинском языке, верификативные формы и постглагольное дублирование местоимений в агульском, эндоклиза в андийском, — до появления соответствующих работ автора практически не были известны и только в них впервые получили описание. Общее устройство глагольных парадигм или общие принципы функционирования причастных клауз в лезгинских языках в какой-то степени обсуждались в предшествующей литературе, однако в рамках исследований автора получили более подробный анализ (в том числе с привлечением корпусных данных), а также теоретическую и типологическую интерпретацию. Таким образом, **новизна** работы обусловлена тем, что подавляющее большинство явлений в представленных работах автора описано и помещено в теоретический и типологический контекст впервые (ряд явлений агульского языка — в соавторстве с С. Р. Мердановой). Отметим, что значительная часть исследований проведена на материале устных корпусов, в создании которых принимал участие автор: это Устный корпус хпюкского диалекта агульского языка, разработанный Д. С. Ганенковым, Т. А. Майсаком и С. Р. Мердановой, и Устный корпус ниджского диалекта удинского языка, разработанный Д. С. Ганенковым, Ю. А. Ландером и Т. А. Майсаком; оба корпуса представляют собой расшифровки собственных полевых аудиозаписей 2000-х гг.

Помимо собственно описательного компонента значительную роль в представленных работах имеет включение данных нахско-дагестанских языков в контекст современной лингвистической теории и типологии. Рассматриваемый материал позволяет расширить представления о функциональной типологии видо-временных систем индикатива, частотных тенденциях в употреблении модифицирующих причастных клауз, дублировании личных местоимений, контактно-обусловленному распространению числовых классификаторов и показателей условия и неопределенности, а также о таких более экзотических явлениях, как морфологически связанная комплементация (ср. «верификатив») и эндоклитики. Эти аспекты определяют **актуальность и теоретическую значимость** диссертации для теории грамматики и типологии.

Объединяющим принципом представленных исследований стало совмещение диахронической, типологической и ареальной перспектив в описании нахско-дагестанских языков, а также поиск теоретических обобщений. В теоретическом отношении представленные статьи основаны на фундаментальных работах по теории грамматикализация и современных представлениях об ареальной лингвистике и языковой конвергенции. В подходе к языковым данным мы следуем традициям типологически-ориентированного описания грамматического строя нахско-дагестанских языков, заложенным отечественной школой полевой лингвистики А. Е. Кибрика (см., среди прочего, [Кибрик, Тестелец 1999; Кибрик и др. 2001]). Что касается вопросов исторической грамматики нахско-дагестанских — в особенности лезгинских — языков, наши

работы могут рассматриваться как продолжение трудов таких исследователей, как М. Е. Алексеев, В. Шульце, Э. Харрис [Алексеев 1985; Schulze 1982; Harris 2002] и др.

В самом общем виде, вошедшие в диссертацию исследования показывают системность и значительную предсказуемость семантического развития глагольных форм при учете структуры исходных аналитических конструкций; подтверждают намеченные в литературе закономерности функционирования определительных причастных клауз; уточняют сценарии материального и структурного заимствования грамматических показателей из родственных и неродственных языков; предлагают объяснения путей возникновения типологически редких явлений. По результатам исследования на защиту выносятся следующие конкретные **научные положения**:

1) Наличие подсистемы аналитических форм, образованных от причастий, является особенностью агульской видо-временной системы индикатива, отличающей агульский от близкородственных восточнолезгинских языков; при этом формы «причастной» подсистемы семантически и структурно параллельны базовой подсистеме.

2) Причастные клаузы в агульском и удинском языках в полной мере относятся к выделяемому в типологической литературе типу «обобщенных клаузальных конструкций, модифицирующих имя» (GNMCCs), обладающих максимально широкими возможностями ассоциации между вершинным именем и ролью обозначенного им референта в модифицирующей клаузе. Для каждого языка корпусные исследования показывают свои особенности в точки зрения частотности релятивизируемых аргументов (высокая частотность «неядерной» релятивизации для агульского, бóльшая частотность релятивизации агенса, чем пациенса, для удинского и мн. др.).

3) Заимствованная азербайджанская клитика условного наклонения заполнила ряд функциональных лакун в удинском языке, став регулярным средством выражения реального условия и войдя в состав показателя серии неопределенных местоимений. При этом в структурном плане заимствование клитики условного наклонения парадоксальным образом привело к увеличению сходства удинского языка с родственными языками лезгинской группы.

4) Заимствование иранского числового классификатора *dänä* способствовало отдалению удинского языка от типологического профиля лезгинских и, шире, нахско-дагестанских языков, сделав удинский единственным языком семьи, обладающим, пусть и редуцированной, системой числовой классификации.

5) Распространение рефактивного преверба в южных диалектах агульского языка скорее всего отражает заимствование преверба из близкородственного лезгинского языка и имеет следствием возникновение в агульском этимологических дублетов, в конечном итоге восходящих к пралезгинскому локативному префиксу локализации POST.

6) В агульском языке полная морфологизация матричного глагола (предположительно, ‘видеть’) и зависимого косвенного вопроса привела к возникновению серии «верификативных» синтетических форм с значением ‘узнать, выяснить, имеет ли место ситуация’, представляющих собой пример морфологически связанной комплементации.

7) Дублирование в агульском языке субъектных местоимений в постглагольной позиции (конструкция типа «я сказал я»), типологически необычная с точки зрения ограниченности одним лексическим глаголом (‘говорить’), может рассматриваться в качестве первого этапа на пути к грамматикализации личного согласования, выражаемого дублированием клитик и имеющего аналог в близкородственном табасаранском языке.

8) Линейное расположение двух клитик в андийском языке, аддитива и интенсификатора, внутри синтетических отрицательных глагольных форм, позволяет утверждать, что в андийском представлено типологически редкое явление эндоклизы.

2. Функционирование причастных глагольных форм в лезгинских языках

Лезгинские языки являются самой южной ветвью нахско-дагестанской языковой семьи (и, тем самым, самой южной языковой группой России). Историческая территория их распространения охватывает юг Дагестана, а также сопредельные территории на севере Азербайджана. Всего лезгинских языков девять, причем у большинства из них имеется разветвленная диалектная система, в некоторых случаях препятствующая взаимопониманию носителей разных диалектов. Ядерную группу составляют семь языков, объединяемых в три подгруппы: восточнолезгинская включает собственно лезгинский, табасаранский и агульский языки, в западнолезгинскую входят рутульский и цахурский, к южнолезгинской относятся будухский и крызский. Еще два языка условно можно считать «периферийными» как в генетическом (они раньше других отделились от пралезгинского), так и в ареальном отношении: на арчинском языке говорят в селе Арчиб, расположенном к северо-востоку от «ядерной» зоны, а на удинском — главным образом в с. Нидж Габалинского района Азербайджана, на самом юге лезгиноязычной области. Еще один язык лезгинской группы — агванский, или кавказско-албанский, обладавший оригинальной письменностью вымерший язык Кавказской Албании, наиболее близкий к удинскому [Gippert et al. 2008].

Говоря о «грамматическом профиле» лезгинских языков, стоит прежде всего отметить такие явления, как эргативный синтаксический строй, богатая падежная система (известная в особенности многочисленными локативными формами), достаточно развитая глагольная система, в основе которой лежит словоизменительная категория вида (перфектив vs. имперфектив), предпочтение нефинитного подчинения (причастные, деепричастные, инфинитивные и пр. зависимые) финитным придаточным, наличие в большинстве языков согласования по именному классу либо, реже, личного субъектного согласования, левоветвящийся порядок слов при базовом порядке SOV. Большинство этих черт имеет очень длительную историю и восходит по меньшей мере к пралезгинскому состоянию.

В первой части диссертации, включающей три работы, мы рассматриваем внутригенетическое варьирование в употреблении причастий в лезгинских языках, главным образом агульском и удинском. Мы показываем, что в агульской видо-временной системе индикатива значимую роль играет подсистема, включающая формы, образованные от причастий, причем эта подсистема семантически и, с некоторыми оговорками, структурно параллельна базовой («деепричастной») подсистеме (раздел 2.1). Далее мы рассматриваем употребление причастия в двух языках собственно в функции определений: как мы показываем, причастные клаузы в агульском и удинском языках можно отнести к выделяемому в типологической литературе типу «обобщенных клаузальных конструкций, модифицирующих имя». На основе корпусных исследований для каждого языка мы делаем выводы о частотности различных типов причастий и частотности релятивизации различных аргументов (раздел 2.2).

2.1. Причастные формы в видо-временной системе агульского языка

Статья, выносимая на защиту: [Майсак 2012]

Агульский язык обладает богатой видо-временной системой, основу которой составляют аналитические по происхождению формы. К ядру видо-временной системы индикатива относятся формы, представляющие собой сочетания смыслового глагола в форме перфективного (СВ) или имперфективного (НСВ) деепричастия, инфинитива или одного из нескольких причастий и постпозитивного вспомогательного глагола — именной связки *e* либо локативного стативного глагола *a* (*aa*, *aja*) ‘быть, находиться внутри’. Вспомогательный глагол может иметь форму настоящего либо прошедшего времени; стандартное отрицание также выражается на вспомогательном глаголе (супплетивной формой). Деепричастия при этом сочетаются с обоими вспомогательными глаголами, инфинитив и причастия — только со связкой *e*. Таким образом, пять структурных моделей, которые лежат в основе базовых форм, таковы:

- «ДЕЕПРИЧАСТИЕ СВ + ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ-СВЯЗКА» (> Аорист и Прошедшее неактуальное);
- «ДЕЕПРИЧАСТИЕ СВ + ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ЛОКАТИВНЫЙ ГЛАГОЛ» (> Перфект и Плюсquamперфект);
- «ДЕЕПРИЧАСТИЕ НСВ + ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ-СВЯЗКА» (> Хабитуалис настоящего времени и Хабитуалис прошедшего времени);
- «ДЕЕПРИЧАСТИЕ НСВ + ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ЛОКАТИВНЫЙ ГЛАГОЛ» (> Презенс и Имперфект);
- «ИНФИНИТИВ + ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ-СВЯЗКА» (> Будущее время и Ирреалис).

Набор причастных форм в агульском языке весьма велик: всего имеется семь причастий — по три причастия каждого из видов и одно модальное (оптативное) причастие. Показателя, который бы маркировал именно причастные формы, у стандартных глаголов не существует. Два «простых» причастия совпадают с основами СВ и НСВ соответственно. Остальные причастия производны: это полностью морфологизованные аналитические формы, образованные по тем же пяти моделям, что и базовые финитные формы индикатива (Таблица 1, глагол *ruḡas* ‘читать’). Отличие их от финитных форм состоит в том, что вспомогательный глагол в исходных сочетаниях имел форму причастия (соответственно, *ide-f* или *aje-f*), а не финитную форму времени. От простых причастий, а также от результативного и презентного причастий, исходно включающих локативный глагол, образуются аналитические формы с вспомогательным глаголом-связкой (в настоящем и прошедшем времени). Причастия в этих формах выступают в субстантивированной форме номинатива ед.ч. с показателем *-f*. Наше предложение состоит в том, что «причастная» система функционально параллельна базовой, а входящие в нее формы от причастий являются (в некотором смысле) «причастными вариантами» базовых форм.

Презенс и «причастный» Презенс восходят к структуре «деепричастие НСВ + вспомогательный глагол ‘находиться (внутри)’ в настоящем времени»; их исходное значение можно, тем самым, условно представить как ‘находиться в процессе осуществления’. Презенс представляет собой обобщенную имперфективную форму настоящего времени: он выражает дуративное и хабитуальное значения, может обозначать предстоящее событие и использоваться в нарративе в роли «настоящего исторического». «Причастный» презенс по значению параллелен основному Презенсу и, в частности, также вводит в рассмотрение хабитуальные либо предстоящие ситуации. В изолированных высказываниях эта форма понимается скорее интенционально, ассоциируясь с описанием намерения субъекта по осуществлению ситуации. Наиболее существенным отличием «причастного» Презенса от базового является то, что первый представляет

описываемую ситуацию как известную говорящему и устоявшуюся в его «фонде знаний».

Хабитуалис настоящего времени построен по модели «деепричастие НСВ + связка наст. вр.» ('делая есть'), в основе же «причастного» Хабитуалиса лежит модель «причастие НСВ + связка наст. вр.» ('делающий есть'). Хабитуалис базовой подсистемы выражает собственно хабитуальное значение, подчеркивающее повторяемость ситуации. Помимо этого, Хабитуалис настоящего времени используется в качестве «настоящего исторического» и распространен в риторических вопросах с потенциальной и деонтической семантикой. «Причастный» хабитуалис выражает близкий круг значений в рамках хабитуально-модальной области. Прежде всего он представляет ситуацию как закономерную, нормальную, отражающую заведенный порядок вещей. С другой стороны, эта форма используется при выражении возможности осуществления ситуации в будущем.

К подсистеме перфектива (совершенного вида, СВ) относятся Перфект и Плюсquamперфект, Аорист и Прошедшее неактуальное и соответствующие им формы от причастий. Перфектно-результативные формы восходят к структуре «деепричастие СВ + вспомогательный глагол 'находиться (внутри)'; исходное значение этой структуры можно условно представить как 'находиться после (в результате) осуществления действия'. Основные значений Перфекта — результативное, т.е. описание состояния в момент речи, представляющего собой естественный результат предшествующего действия, и собственно перфектное, т.е. выражение текущей релевантности ситуации в прошлом. Агульский Перфект является также регулярным грамматическим средством выражения непрямой засвидетельствованности: при помощи этой формы описываются события в прошлом, свидетелем которых говорящий не был лично, а получил о них информацию в результате логического вывода либо с чужих слов. «Причастный» Перфект является структурным аналогом обычного Перфекта и восходит к сочетанию смыслового глагола в перфективном деепричастии и вспомогательного глагола 'быть внутри, находиться' в форме «причастного» презенса *ajefe* (< причастие *ajef* 'находящийся' + связка *e*). Основная функция «причастного» Перфекта состоит в указании на релевантность результата прошлой ситуации, в этом смысле он является конкурентом обычного Перфекта в качестве перфектной формы. Однако, в отличие от обычного Перфекта «причастный» Перфект используется практически исключительно в случаях, когда описываемое положение дел уже известно и вводится в качестве пояснения или создания «фона» для другой ситуации, либо при подтверждении слов собеседника; все эти функции напрямую связаны с пресуппозитивной семантикой причастной формы. В отличие от основного Перфекта, «причастный» Перфект не выражает собственно результативного значения. Значение косвенной засвидетельствованности «причастному» Перфекту несвойственно — по крайней мере в том, что касается пересказываемости. Тем не менее, он отмечается при описании ситуаций в прошлом, наличие которых которые говорящий только предполагает, хотя и не наблюдал их сам, ср. *gi wuri upunajefe* '(похоже, что) он всё рассказал' или *ge alurq'unajefe* '(мне кажется, что) он упал'.

Форма Аориста представляет собой достаточно нейтральное перфективное прошедшее время, чаще всего он используется для ввода в рассмотрение события в прошлом как встроенного в нарративную последовательность. Форма «причастного» Аориста встречается в примерах, иллюстрирующих экспериментивное значение, указывая на то, что соответствующая ситуация имела место хотя бы раз в жизни участника, а также близких, но семантически более общих экзистенциальных контекстах: в этом случае утверждается существование ситуации в прошлом безотносительно к идее характеристики «топикального» участника (субъекта опыта). Как и хабитуалисы, Аорист и «причастный» Аорист не полностью параллельны с формальной точки зрения: Аорист исторически представляет собой сочетание «деепричастие СВ + связка наст. вр.»

(‘сделав есть’), а «причастный» Аорист построен по модели «причастие СВ + связка наст. вр.» (‘сделавший есть’).

Четыре рассмотренные выше формы, образованные от причастий, включают в свой состав вспомогательный глагол настоящего времени. Всем им в глагольной парадигме соответствуют и структурно параллельные формы с вспомогательным глаголом прошедшего времени.

Семантический контраст между подсистемами глагольной парадигмы индикатива, связанный скорее со способом подачи информации, а не с выражением конкретных видо-временных значений, отмечался для некоторых нахско-дагестанских языков и раньше (ср. противопоставление простых и «атрибутивных», т.е. причастных, глагольных форм в цахурском языке, которые употребляются и в качестве финитных форм). Это различие может быть увязано с функциями нефинитных причастных клауз. Общим для всех этих клауз является то, что они выражают ту часть семантики высказывания, которая относится к presupпозиции.

Таблица 1. Базовые формы индикатива и система причастий

Структура	Финитная форма	Причастие
Подсистема СВ		
(= основа)	—	<i>Простое причастие</i> рухú-f
CONV + COP	<i>Аорист</i> рухúне (< *рух.ú-na e)	<i>«Аористное» причастие</i> рухúнде-f (< рух.ú-na i-dé-f)
CONV + ‘be in’	<i>Перфект</i> рухúнаа / рухúнаја (< рух.ú-na a / аја)	<i>«Перфектное» причастие</i> рухúнаје-f (< рух.ú-na a-jé-f)
Подсистема НСВ		
(= основа)	—	<i>Простое причастие</i> рух.á-f
CONV + COP	<i>Хабитуалис наст. вр.</i> рухáје (< рух.á-j e)	<i>«Хабитуальное» причастие</i> рухáјде-f (< рух.á-j i-dé-f)
CONV + ‘be in’	<i>Презенс</i> рухáа / рухáја (< рух.á-j a / аја)	<i>«Презентное» причастие</i> рухáје-f (< рух.á-j a-jé-f)
Подсистема инфинитива		
INF + COP	<i>Будущее время</i> рухáсе (< рух.á-s e)	<i>Оптимативное причастие</i> рухážеф (< *рух.á-s i-dé-f)

Итак, особенностью агульской видо-временной системы, наиболее ярко проявившейся в хпюкском диалекте и отличающей агульский от близкородственных восточно-лезгинских языков, является наличие «причастной» подсистемы аналитических форм. Эта подсистема семантически и (с некоторыми оговорками) структурно параллельна базовой, за исключением «инфинитивного» Будущего времени, не имеющего аналога среди «причастных» форм индикатива. Формы «причастной» подсистемы выражают в целом тот же круг видо-временных значений, что и базовые формы, однако отличаются с точки зрения информационной структуры. Если базовые формы используются в высказываниях, целью которых является сообщение о некоторой новой ситуации, то «причастные» формы вводят в рассмотрение характеристики участников и факты из «фонда знаний» говорящего (и адресата). Грамматикализация конструкций с причастиями в качестве финитных форм привела к появлению в агульской видо-временной системе специализированных средств выражения целого ряда аспектуальных и модальных значений — экспериентивного/экзистенциального, (индивидуального) хабитуального и

генерического, интенционального. Различие между двумя подсистемами проявляется и в том, что если высказывания с базовыми формами являются строго «ассертивными» и не допускают коммуникативного выделения какой-то из частей, то высказывания с «причастными» формами более свободны в выборе коммуникативной перспективы. Финитные клаузы с причастиями могут иметь как широкий фокус на всей пропозиции в целом (утверждая истинность некоторого факта или характеристики), так и узкий фокус на собственно лексическом значении предиката либо не на предикате, а одном из актантов или сирконстантов. В последнем случае фокусное выделение маркируется позицией связки, которая располагается после выделенной составляющей (в прочих случаях она клитизируется к причастной форме).

2.2. Причастные относительные предложения в агульском и удинском языках по корпусным данным

Статьи, выносимые на защиту: [Maisak 2020; Майсак 2020]

В последние годы в исследованиях по типологии относительных предложений всё больше внимания уделяется обсуждению одного из их специфических типов — «обобщенных клаузальных конструкций, модифицирующих имя» (*general noun-modifying clause constructions*, или GNMCCs), обладающих максимально широкими возможностями ассоциации между вершинным именем и ролью обозначенного им референта в модифицирующей клаузе [Matsumoto et al. (eds) 2017]. Классические относительные предложения, в которых вершинное имя кореферентно аргументу или адьюнкту в модифицирующей клаузе, являются для «GNMCCs» лишь одной из интерпретаций (или одним из переводных эквивалентов). Важно, что у обобщенных модифицирующих клауз отмечаются «расширенные» употребления, в которых отношение между этой клаузой и вершиной не представимо в чисто синтаксических терминах (это может быть, например, ассоциация вершины с любым другим «фреймовым» элементом клаузы, как в структуре типа «[человек не толстеющая] конфета» = ‘конфета, от которой человек не толстеет’, а также другие типы отношений).

Нахско-дагестанские языки, в которых доминирующей стратегией построения относительных предложений является использование причастных оборотов, тоже входят в число языков с «GNMCCs» [Comrie et al. 2017; Nichols 2017], ср. также [Даниэль, Ландер 2013]. В задачи двух наших исследований, связанных с причастными относительными предложениями в двух языках лезгинской группы, агульском и удинском, входило, на существенно более широком корпусном материале, нежели привлекался раньше, а) охарактеризовать частотность релятивизируемых аргументов; б) сделать вывод о степени влияния типа текста (устный, письменный оригинальный, письменный переведенный) на частотные характеристики причастных конструкций; в) сравнить агульские и удинские данные по частотности релятивизации между собой и с данными, имеющимися на сегодня для некоторых других нахско-дагестанских языков.

В обоих рассматриваемых языках причастные обороты, служащие определением вершинного имени, в стандартном случае располагаются в препозиции к вершине. Собственно глагольная форма внутри причастного оборота обычно занимает конечную позицию. Какое-либо согласование причастия с вершиной отсутствует. В безвершинных причастных оборотах локусом маркирования падежа и числа становится собственно причастие, которое в этом случае склоняется по атрибутивному типу.

В агульском языке богатая система причастий, часть из которых восходит к аналитическим моделям, аналогичным тем, которые лежат в основе финитных форм (см. раздел 2.1). У стативных глаголов противопоставлены презентное и хабитуальное причастия, у стандартных глаголов - перфективное, перфектно-результативное, аористное, имперфективное, презентное и хабитуальное причастия. Для корпусного анализа агульских причастных конструкций мы рассмотрели их употребления в двух корпусах —

письменном переводе Евангелия от Луки 2005 года на литературный агульский вариант (основанный на тпигском говоре) и сопоставимый по объему фрагмент устного корпуса хпюкского диалекта (39 нарративных текстов от двух носителей). Объем корпусов составил 18,6 и 24,5 тыс. слов, соответственно. Были проанализированы все употребления причастий в функции приименных определений (всего 858 клауз). Для каждой причастной клаузы отмечались а) тип причастия; б) класс глагола — связка, стативный глагол, переходный глагол, непереходный глагол, экспериенциальный глагол или глагол ‘говорить’; в) мишень релятивизации — ядерные актанты (субъект непереходного глагола S, агенс A и пациенс P переходного глагола, экспериенцер), различные виды ядерных актантов и сирконстантов.

В письменном корпусе все причастные клаузы препозитивны по отношению к вершине, тогда как в устном оказалось 10% постпозитивных причастных клауз. При том, что в агульском языке возможно использование рефлексивного местоимения в функции резумптива, ни одного примера резумптива в нашем материале не было отмечено: по всей видимости, те сложные структуры, которые требуют применения данного средства установления кореферентности, обычно избегаются в пользу более простых структур. В обоих корпусах преобладают причастные клаузы со стативными глаголами и имперфективными причастиями (72%), гораздо менее частотны перфективные причастия (28%). Это говорит о том, что при описании референта предпочтение отдается указанию на ассоциированное с ним текущее состояние или процесс скорее, чем на завершившуюся ситуацию. Также в обоих корпусах отмечена бóльшая частотность причастных клауз с непереходными глаголами (54%), чем с переходными (41%) и тем более экспериенциальными (4–5%); при этом из числа непереходных глаголов в причастных клаузах более половины приходится на стативные глаголы (‘быть, находиться’, ‘оставаться’).

Асимметрия по частотности релятивизация между различными актантами и сирконстантами весьма значительна. Три ядерных аргумента (S, A и P) по частотности преобладают над периферийными аргументами и сирконстантами: на них приходится 51% всех случаев. Из них наиболее частотен S (31%), на втором месте P, а A сравнительно редок. Такое соотношение, а именно большая частотность трех ядерных аргументов и выделение среди них S, характерно и для других языков семьи. Уникальным агульский язык оказывается в отношении частотности «неядерной» релятивизации, на которую приходится 42% причастных клауз. Особенно частотны локативные аргументы и сирконстанты, причастные определения вершин со значением времени и места, а также релятивизация адресата. На последний тип приходится целых 12%, как правило, это конструкции с глаголом ‘говорить’ в контексте указания имени/названия (1). Причастные клаузы, вершина которых не соответствует ни аргументу, ни сирконстанту, отмечаются и в устном, и в письменном корпусе, но в целом редки (2%).

- (1) *me mühüdin av.a gada ij.*
 DEMM [Мухудин говорить.IPF(PT)] парень COP:PST
 ‘Это был парень по имени Мухудин.’

Высокая частотность «неядерных» релятивизаций может быть связана с тем, что использование причастных клауз со словами времени и места является в агульском языке распространенной стратегией описания временных и пространственных отношений (ср. «темно ставшее время» = ‘когда стемнело’, «быки потерявшиеся горы» = ‘горы, в которых потерялись быки’). Идентификация пространственной конфигурации облегчается наличием в агульском развитой системы глагольной префиксации, что позволяет установить эту конфигурацию по семантике глагола — вершины причастной клаузы. Распространенность «адресатной» релятивизации связана с тем, что использование причастной клаузы с глаголом ‘говорить’ является в агульском дефолтным способом ввода имени/названия референта (как одушевленного, так и неодушевленного).

В **удинском языке** имеется две формы причастий — перфективное причастие на *-i* и имперфективное причастие на *-ala*.

- (2) *za-χun tac-i χüjār-тов-on-al zu-al p:a^f kärän*
 [я-ABL уходит-PT:PF] девушка-PL-ERG=ADD я=ADD два раз
äči-jan-p-i
 танцевать=1PL=LV-AOR
 ‘Девушки, которые пошли со мной, и я два раза танцевали.’
- (3) *izi be^fš^f-tan č:ovak-ala naχirči-n-a a-ne-k-i*
 [сам:GEN впереди-ABL проходить-PT:IPF] пастух-OBL-DAT видеть=3SG=ST-AOR
 ‘Он увидел проходящего мимо него пастуха.’

Для корпусного анализа удинских причастных конструкций мы рассмотрели их употребления в трех корпусах — двух письменных (переводном и непереводном) и одном устном. Все тексты представляют современный ниджский диалект и были записаны/изданы в начале XXI в. Устный корпус был записан Д. С. Ганенковым, Ю. А. Ландером и Т. А. Майсаком в 2002—2006 гг. и содержит около 60 текстов от около 15 носителей. Переводной письменный корпус представлен переводом Евангелия от Луки, вышедшем в 2011 году. Письменный корпус оригинальных текстов состоит из прозаических текстов из сборников Г. Кечаари и В. Дабакова. Общий объем корпусов составил около 44 тыс. слов. Были рассмотрены все контексты, в которых причастие выступает в роли определения имени, а также все номинализованные употребления причастий за исключением ряда специально оговоренных конструкций (всего около 1 тыс. употреблений причастных клауз).

Как показывают общие подсчеты, рассмотренные корпуса значительно различаются по частотности причастных оборотов (от 8,4 до 35,8 причастий на 1 тыс. слов). Эта частотность не связана с устным либо письменным статусом текста как таковым, ср. большое различие между текстами в сборниках Г. Кечаари и В. Дабакова. Максимальное значение частотности отмечается в переводе Евангелия, что может быть связано с наличием в тексте сложных синтаксических конструкций, которые переводчики предпочли переводить близко к тексту без упрощения. По всем корпусам в целом частотность перфективных причастий ниже и составляет чуть больше трети от общего числа причастий.

Что касается данных по релятивизации разных типов аргументов и адьюнктов, то в целом для удинского языка верна иерархия $S > A > P$, то есть среди трех ядерных аргументов наиболее частотной является релятивизация непереходного субъекта, затем с большим отрывом — переходного субъекта (агенса), и далее — прямого объекта (пациенса). В корпусе оригинальной прозы частотность A и P одинакова; значение же для S для этого корпуса максимально. В целом, на S приходится почти половина всех релятивизаций, при этом наименьшее значение (34%) наблюдается для устного корпуса. В свою очередь, устный корпус является «чемпионом» по неядерным релятивизациям, прежде всего локативной и временной: в обоих случаях значения по устному корпусу более чем вдвое превышают средние значения по всем корпусам (6% и 4% соответственно).

Корпусные подсчеты подтверждают высказывавшееся ранее мнение о том, что в нахско-дагестанских языках «расширенные» употребления эквивалентов относительных конструкций не очень частотны. Если исключить из рассмотрения относительно частотные локативный и темпоральный подтипы, на все неядерные случаи приходится от 4% до 8% употреблений. Сюда входит в том числе релятивизация таких периферийных аргументов и адьюнктов, как предикативного и приименного посессора, адресата, темы речи, аргумента вложенной клаузы (сентенциального актанта) и др. Собственно «расширенные» употребления, свойственные языкам с «GNMCCs», представлены еди-

ничными случаями: это может быть заполнение валентности на содержание («[на земле грехи прощающее] разрешение» = ‘власть прощать на земле грехи’) или, например, «фреймовая» ассоциация («[плачущие] песни» = ‘песни, исполняемые по время плача по покойнику’).

При сравнении удинских данных по частотности релятивизации с данными по другим языкам семьи (помимо агульского, в том или ином виде они имеются для аварского, арчинского, багвалинского и лезгинского) оказывается, что удинский проявляет наибольшую частотность релятивизации непереходного субъекта, а также агенса (при исключении аварского языка), а наименьшее — по релятивизации пациенса. Таким образом, удинский демонстрирует скорее «аккузативную» стратегию при выборе мишени релятивизации, ориентированную на приоритетный аргумент (S/A), а не на абсолютный аргумент (S/P), как в остальных языках. Это соответствует не полностью эргативному морфосинтаксическому профилю удинского как в области маркирования аргументов (использование не только абсолютива, но и датива для кодирования пациенса), так и в глагольном согласовании (контролируемом S/A). Релятивизация неядерных ролей в удинском находится скорее на периферии и не может сравниться со значениями, наблюдаемыми, например, в агульском (где значительное число употреблений приходится на релятивизацию адресата, см. выше).

Если, однако, сравнить только частотность релятивизации трех ядерных актантов без учета всех остальных позиций, то оказывается, что удинский не является исключением по частотности релятивизации непереходного субъекта и агенса, хотя и демонстрирует здесь высокие значения. Релятивизация пациенса у него, однако, наиболее редка по сравнению с другими языками. Выделенность S/A по сравнению с P на общем фоне не является столь яркой, поскольку различие по частотности между агенсом и пациенсом невелико (23% и 20%). Тем не менее, удинский остается единственным из шести рассмотренных языков, у которого частотность релятивизации агенса превышает такую для пациенса.

3. Ареальные аспекты грамматикализации в лезгинских языках

Среди языков нахско-дагестанской семьи языки лезгинской группы в наибольшей степени подверглись влиянию неродственного языка — а именно, азербайджанского языка тюркской семьи. В наибольшей степени азербайджанскому влиянию подвержены те идиомы, которые распространены именно на территории Азербайджана — это крызский, будухский и удинский языки, южные диалекты лезгинского, цахурского и рутульского. Удинский язык, занимающий (по традиционным оценкам) в лезгинском генеалогическом древе периферийное положение, находится на первом месте по степени подверженности его грамматической структуры контактному влиянию (не только азербайджанскому, но и персидскому, армянскому) [Schulze 2016]. Влияние азербайджанского языка на удинский проявляется и на фонетическом, и на морфосинтаксическом, и на лексическом уровнях как в виде прямых заимствований, так и в виде калькирования [Гукасян 1973]. Примерами заимствованных азербайджанских морфем являются суффикс порядковых числительных *-(i)mžī*, деривационный суффикс абстрактных имен *-luk*, атрибутивные суффиксы *-lu* и *-suz*, частотная клитика-комплементаризатор *ki* (исходно персидская) и др. Иранское влияние на удинский также насчитывает много веков, причем не ограничивается влиянием со стороны персидского языка: так, В. Шульце отмечает среди неродственных языков, с которыми удинский находился в контакте, древне- и среднеиранские разновидности (медийский, персидский, северо-западные иранские языки), тальшский и еврейско-татский [Schulze 2001]. Среди грамматических явлений, которые находят явные параллели в иранских языках и могли возникнуть в удинском под влиянием последних, называлась система «подвижных» личных показателей, дифференцированное маркирование объекта [Schulze 2015], форма презенса, восходящая к форме датива (в локативном значении) от инфинитива [Майсак 2016а].

Относясь генеалогически к нахско-дагестанской семье, удинский язык в ареальном отношении входит в объединение, которое географически находится южнее области распространения нахско-дагестанских языков, — Ирано-Аракский языковой союз, охватывающий территорию Грузии, Армении, Азербайджана, восточной Турции, северного Ирака и северного и западного Ирана. В этот союз включаются около 60–65 языков и диалектов, относящихся к картвельской, тюркской, семитской семьям, а из индоевропейских языков — армянский и множество иранских разновидностей [Stilo 2015].

Три статьи в составе диссертации, посвященные главным образом лезгинским языкам, объединены проблемой ареального взаимодействия нахско-дагестанских языков как с неродственными языками ареала, так и между собой. В статьях рассмотрено три явления, два из них касаются азербайджанского (и отчасти иранского) влияния на грамматические структуры удинского языка: это роль заимствованной азербайджанской клитики условного наклонения, на основе которой развился показатель серии неопределенных местоимений (раздел 3.1) и функции заимствованного иранского числового классификатора *dänä* (< ‘зерно’), благодаря чему удинский язык стал, вероятно, единственным языком нахско-дагестанской семьи, обладающим, пусть и редуцированной, системой числовой классификации (раздел 3.2). Третье исследование связано с заимствованием другого типа, происшедшим уже между двумя близкородственными языками: в южные диалекты агульского языка из лезгинского был заимствован рефактивный преверб, когнат которого имеется и в самом агульском (раздел 3.3).

3.1. Встраивание заимствованной азербайджанской клитики условного наклонения в грамматическую систему удинского языка

Статья, выносимая на защиту: [Maisak 2019a]

Один из явных, и притом относительно недавних, примеров заимствования азербайджанских морфем в удинский язык — удинская частица *-sa*, восходящая к азербайджанской условной связке *isə*. В состав азербайджанской связки входит условный суффикс *-sA*, имеющий в несколько вариантов в зависимости от гармонии гласных. При этом связка *isə* в азербайджанском, как правило, редуцируется до клитики *sə*. Удинский показатель *sa* неизменен и сингармонических вариантов не имеет. «Дублетом» того же азербайджанского источника является удинская частица *isä*, см. ниже.

На сравнительно недавнее время заимствования указывает распространенность условного показателя *sa* в современной речи носителей ниджского диалекта и употребление в издаваемых с начала 2000-х гг. текстах на удинском языке — например, в библейских переводах, которые, несмотря на свой переводной характер, отражают особенности современной разговорной речи. Напротив, упоминание этой частицы отсутствует в более ранних текстах (в т.ч. 1990-х гг.) и грамматических описаниях второй половины XIX — второй половины XX вв. Единственный зафиксированный случай более раннего употребления обнаружен в одном из словарных входов удинско-азербайджанско-русского словаря в составе одного неопределенного местоимения: «ШУНЕСА — кто-то» [Гукасян 1974]; при этом сама по себе эта серия неопределенных местоимений на *-sa* не получала описания. Не исключено, что показатель проник в язык ранее, чем вторая половина XX века, однако лишь недавно увеличил употребительность (в частности, в связи с возросшей в последние десятилетия ролью азербайджанского языка как государственного).

В удинском языке имеются две исконные формы условного наклонения: форма *гипотетического условия* с суффиксом *-aji-* и форма *контрфактивного условия* с показателем *-iji-...-j* (в состав последнего показателя в качестве обязательного компонента входит клитика прошедшего времени *-j*).

Насколько можно судить по имеющимся источникам (грамматикам и текстам), *реальное условие* специализированного средства маркирования никогда не имело, и в протасисе соответствующих предложений использовались обычные формы индикатива. В современном же удинском языке (по крайней мере ниджском диалекте) реальное условие регулярно маркируется при помощи клитики *sa*, которая сочетается со всеми основными финитными формами индикатива (прошедшего, настоящего и будущего времени) и с неглагольными предикатами. Использование в протасисе союза *ägär* ‘если’ возможно, но — как и с двумя условными формами, упломянутыми выше, — всегда факультативно.

- (4) (*ägär*) *avla-ne* *ej-sa-sa*, *k:oj-a* *mand-al-jan*.
 если [дождь=3SG приходить-PRS]=SA дом-DAT оставаться-FUT=1PL
 ‘Если сейчас идет дождь, мы останемся дома.’

Со специализированными условными формами (гипотетической и контрфактивной) клитика *-sa* не сочетается. Помимо собственно условного протасиса, *-sa* используется в разного рода зависимых клаузах с вопросительными словами — это *косвенные вопросы, коррелятивы* и прочие зависимые клаузы с неопределенной референцией:

У заимствованной морфемы есть и другие функции, полностью копирующие функции азербайджанского источника. Так, *sa* факультативно отмечается на именных группах в аблативе, выражающих стандарт сравнения (само по себе кодирование стандарта сравнения локативным падежом с аблативным значением является наиболее распространенной моделью для нахско-дагестанских языков). Кроме того, к полной форме азербайджанской условной связки восходит удинская частица *isä*, которая функционирует как показатель контрастивного топика (‘а что касается X, то...’).

Наконец, едва ли не наиболее любопытная адаптация условного показателя *-sa* в удинском языке произошла в системе *неопределенных местоимений*. Ниджский диа-

лект удинского языка скопировал из азербайджанского использование условной формы связки как показателя серии неопределенных местоимений, производной от вопросительных местоимений: ‘кто-то’ восходит к сочетанию «кто если-есть», ‘что-то’ — к сочетанию «что если-есть» и т.п.; подобная модель образования неопределенных местоимений широко распространена в языках мира [Haspelmath 1997]. Однако если в азербайджанском показателем серии служит собственно условная связка *isə* (редуцируемая до *sə*), то в удинском показатель, функционально эквивалентный условной связке, был «построен» на основе комбинации исконной и заимствованной морфем; ср. параллельное представление азербайджанской и построенной на ее основе удинской модели (5). Показатель серии неопределенных местоимений в удинском выглядит как *-esa* (после согласных) или *-nesa* (после гласных), при этом *-e* / *-ne* — это варианты клитики 3-го лица ед.ч., а *sa* — заимствованный условный показатель. Как и в азербайджанском, в удинском показатель неопределенности присоединяется к вопросительному местоимению после словоизменяемых (падежных) аффиксов, т. е. является энклитикой.

(5)	<i>азер.</i>	<i>kim</i>	>	<i>kim i-sə</i>	>	<i>kim-sə</i>
		кто		кто COP-COND		кто-INDEF
	<i>уд.</i>	<i>šu</i>	>	<i>šu=ne=sa</i>	>	<i>šu=nesa</i>
		кто		кто=3SG=SA		кто-INDEF
		‘кто’		букв. ‘кто если есть’		‘кто-то’, ‘кто-нибудь’

Можно было бы предполагать, что благодаря показателю *sa* удинский язык приобрел некоторые несвойственные лезгинским языкам грамматические модели, заполнив те «лакуны», которые в нем имелись на момент заимствования (специальное маркирование реального условия, показатель для серии неопределенных местоимений и пр.). Однако удинский, напротив, приобрел те черты, которые в целом свойственны его родственникам по лезгинской группе. Действительно, для остальных лезгинских языков (лезгинского, агульского, табасаранского, цахурского и др.) характерно наличие целой серии условных форм, в которых аффикс/клитика условного наклонения сочетается с различными формами индикатива, в том числе при выражении реального условия. Кроме того, условным формам лезгинских языков свойственно использоваться в косвенных вопросах и других типах клауз с вопросительными словами. Наконец, лезгинские языки, как правило, обладают сериями неопределенных местоимений, показателями которых является как раз связка или бытийный глагол в условной (или образованной от нее уступительной) форме — ср. агульское *fiš ejči* / *fiš-či* ‘кто-то’ (условная связка *ejči*), табасаранское *fuž-wuš* ‘кто-то’ (условная связка *wuš*), лезгинское *wiž jat’ani* ‘кто-то’ (уступительная связка *jat’ani*), цахурское *hižō-xēd* ‘что-то’ (уступительная клитика *-xēd*) и пр. Таким образом, заимствование иноязычной морфемы и копирование ее функций из неродственного языка в случае удинского языка возымели неожиданный эффект: в структурном отношении удинский стал более похожим на своих родственников, чем по состоянию на период, непосредственно предшествующий заимствованию.

3.2. Возникновение редуцированной системы именной классификации в удинском языке

Статья, выносимая на защиту: [Maisak 2021b]

Нахско-дагестанские языки не относятся к числу языков, в которых отмечаются числовые классификаторы [Gil 2013; Aikhenvald 2000]. При этом, как показывает наше исследование, минимальная система, состоящая из одного числового классификатора (*dänä*), обнаруживается в удинском — языке, в наибольшей степени затронутом контактами с азербайджанским и иранскими языками.

Наличие в удинском языке числовых классификаторов не отмечалось ни в грамматических очерках удинского языка [Schiefner 1863; Дирр 1904; Джейранишвили 1971; Панчвидзе 1974; Schulze 1982; Schulze-Fürhoff 1994], ни в специальных работах по языковым контактам удинского языка с азербайджанским [Гукасян 1973] и иранскими языками [Schulze 2015]. Причиной этого может быть как периферийность самого классификатора в языковой системе, так и сравнительно недавнее время распространения этого заимствования — на последнее указывает частотность *dänä* прежде всего в современной речи носителей ниджского диалекта и отчасти употребление в изданных в начале 2000-х гг. текстах на удинском языке (например, в библейских переводах). Напротив, употребление *dänä* отсутствует в более ранних доступных текстах (в т.ч. 1990-х гг.). Эта ситуация напоминает отражение в источниках и растущее распространение заимствованного условного показателя *sa*, о котором шла речь в предыдущем разделе.

Слово *dänä* отмечается в словаре В. Гукасяна [1974: 110] с переводом ‘штука’; кроме того, в том же словаре фиксируется слово *dän* со значением ‘зерно, крупинка’, редкое в удинском языке. Оба слова с тем же фонетическим обликом и значениями имеются в азербайджанском, что указывает на прямое заимствование в удинский; изначально же они восходят к иранскому корню ‘зерно, семя’. При этом слово *dänä* ведет себя как сортовой числовой классификатор, употребляясь исключительно в конструкции «числительное – *dänä* – исчисляемое существительное»:

(6) *sa dänä äjl-ä hajzev-es-k-i (...)*
 [one CLSF child-DAT] raise=1SG=ST-AOR
 ‘Я попросила одного ученика встать (букв. подняла).’

(7) *göj-n-aḡun ḡib dänä eḡḡ-e bista*
 sky-OBL-ABL three CLSF apple=3SG fall+PRS
 ‘С неба упало три яблока...’

Для выяснения частотности *dänä* и его сочетаемостных возможностей (с одной стороны, с разными числительными, с другой — с разными типами существительных) было проведено исследование того же корпуса текстов (см. раздел 3.1). Как выяснилось, частотность *dänä* в целом весьма невелика (удалось найти 48 употреблений), при этом она наиболее высока именно в устном корпусе (40 употреблений), за которым следует с большим отрывом перевод Евангелия от Луки (6 употреблений). Что касается сочетаемости с существительными, *dänä* ведет себя как «универсальный» классификатор, совместимый и с одушевленными, и с неодушевленными референтами. Из имеющихся в текстах примеров примерно половина приходится на сочетания с одушевленными существительными (‘человек’, ‘ребенок’, ‘женщина’, ‘сын’, ‘дочь’, ‘продавец’, ‘друг’ и пр.), а половина — на сочетания с неодушевленными, преимущественно конкретными именами (‘лодка’, ‘бочка’, ‘тарелка’, ‘хлеб’, ‘каштан’, ‘село’, но также ‘случай’, ‘вариант’ и др.). Единственное отмеченное ограничение — отсутствие примеров сочетаний со словами, обозначающими временные отрезки (‘день’, ‘год’) и единицы измерения (‘килограмм’, ‘литр’).

Наиболее неожиданные результаты дает анализ типов числительных: как оказалось, в конструкции с *dänä* используются только числительные первого десятка, причем на числительное ‘один’ приходится половина всех употреблений. В некоторых случаях числительное может быть представлено парой, задающей интервал.

Учитывая столь ограниченную дистрибуцию классификатора, оказалось нетрудно оценить степень его факультативности: для устного корпуса были посчитаны все контексты «числительное – существительное» без *dänä*. Конструкция без *dänä* примерно в 6 раз частотнее, чем с классификатором. Без *dänä* числительное может выступать и с такими словами, которые с классификаторами не встретились, в том числе названиями временных отрезков и мер.

В азербайджанском языке, в котором слово *dənə* тоже используется как «универсальный» числовой классификатор (ср. *iki dənə alma* ‘два яблока’), существует также специальный классификатор *nəfər* для людей (ср. *üç nəfər adam* ‘три человека’). В удинский язык слово *nəfər* не было заимствовано. При этом в удинском языке имеется особое слово *tan*, обозначающее человека, но используемое исключительное с числительными и кванторными выражениями. В словаре Гукасяна [1974: 202] это слово толкуется как ‘лицо, человек, некто’. (В контексте же без числительного или квантора используется существительное *amdar*.)

- (8) *zarafat te-ne, sac:c:ie tan dav-in-a tak-ala-ne-j.*
 joke NEG=3SG [eleven person] war-OBL-DAT do-DEB=3SG=PST
 ‘Это не шутки, одиннадцать человек должны были пойти на войну.’
- (9) *va-xun sa şey çur-ek-ala här tan-a tad-a.*
 you-ABL one thing ask-LV-PT:IPF [every person-DAT] give-IMP
 ‘Давай каждому, кто попросит.’ (Лк. 6:30)

В качестве вершины именной группы *tan* склоняется как обычное существительное. Частотность слова не очень велика: в текстах обнаружено 80 примеров, из которых в 61 случае оно используется при числительных, в еще в 19 случаях — при выражениях *hema* ‘сколько?’, *sa hema* ‘несколько’ или *här (sa)* ‘каждый’. Ограничений по сочетаемостью с числительными нет: *tan* отмечен с числительными от ‘1’ to ‘8600’. Впечатление от *tan* как от, хотя и странного, но существительного, поддерживается примером его использования в качестве вершины именной группы, в которой имеется и классификатор *dänä* (*p:a^f dänä tan* ‘два человека’). С другой стороны, зафиксированы единичные примеры, в которых сам *tan*, напротив, выступает в позиции классификатора между числительным и существительным (*vic: tan žuzamlu* ‘десять прокаженных’). Тем не менее, регулярным числовым классификатором для класса людей *tan* (в отличие от азербайджанского *nəfər*) не является.

Хотя в некоторые языки нахско-дагестанской семьи слово *dänä* было заимствовано из азербайджанского как лексическая единица, только в удинском оно используется именно как числовой классификатор. Что же касается слова *tan*, то оно в значении ‘человек’ не встречается ни в одном лезгинском языке. В азербайджанском оно (в виде *tən*) отмечается как устаревшее со значением ‘тело’. Исходное персидское существительное *tan* (*tæn*) имеет значение ‘тело’, а также используется в качестве одного из классификаторов для людей [Lazard 1992: 97]. Судя по тому, что в удинском для *tan* зафиксировано только второе употребление, а в азербайджанском для *tən* — только первое, источником удинского является непосредственно персидский, а не азербайджанский.

Таким образом, на внутригенетическом нахско-дагестанском фоне удинский язык оказывается уникальным — в нем, под влиянием азербайджанского и персидского языков, возникла система числовых классификаторов, включающая одну универсальную по дистрибуции единицу *dänä* и одно слово-«полуклассификатор» *tan* для класса людей. Однако он не уникален с ареальной точки зрения. Как показывает в специальной работе исследователь Ирано-Аракского языкового союза Дон Стило [Stilo 2018], для многих языков этого союза характерны «малые» системы числовых классификаторов, включающие одну универсальную единицу и один факультативный классификатор для людей. Источником распространения такой системы стали иранские языки. Распространение числовых классификаторов в ареале имеет ядерную и периферийную часть: в некоторых языках классификаторы менее частотны, менее обязательны или их инвентарь меньше, чем в других. Удинский язык в статье [Stilo 2018] не упоминается, однако на основе проведенного выше анализа мы можем сделать вывод, что удинский также относится к периферии данной изоглоссы, имея в своем распоряжении только один

«настоящий» классификатор *dänä*, который, при этом, является факультативным и характерным в основном для разговорной речи.

3.3. Морфологическое копирование рефактивного префикса в агульский язык из лезгинского

Статьи, выносимые на защиту: [Maisak 2019b; Майсак 2016a]

Для большинства лезгинских языков характерно наличие систем глагольных префиксов (превербов) с пространственным значением. Так, в хпюкском диалекте агульского языка насчитывается около 330 глаголов, содержащих пространственные префиксы, причем префиксальные производные могут быть образованы как от свободных глагольных основ, которые встречаются и в простых беспрефиксных лексемах, так и от связанных основ, которые отмечены только в глаголах с префиксами. Пространственные префиксы составляют две группы, которые функционально — а отчасти и материально — аналогичны показателям пространственных падежей имени. В первую группу входят семь префиксов локализации, которые описывают область пространства, по отношению к которой характеризуется положение участника ситуации (IN ‘внутри контейнера’, INTER ‘внутри массы’, SUPER ‘сверху’, SUB/CONT ‘снизу либо в контакте’, ANTE ‘спереди’, POST ‘сзади’, APUD ‘рядом’). Во вторую группу входят четыре префикса направления, которые описывают траекторию перемещения участника относительно точки отсчета (LAT ‘к ориентиру’, ELAT ‘от ориентира’, UP ‘вверх’, DOWN ‘вниз’). Как видно по примерам (10) и (11), глагольные префиксы локализации (*k-* SUB/CONT, *hV-* ANTE) этимологически соответствуют падежным суффиксам локализации (*-k* SUB/CONT, *-h* ANTE), тогда как показатели направления в двух этих системах формально различны.

(10) *amma te ruš (...)* ***k-et-arx.a-s-tawa***
но DEMT дочь SUB/CONT-ELAT-попадать.IPF-INF-COP:NEG
ʔazab.i-k-as
мучение-SUB/CONT-ELAT
‘Но ваша дочь (...) не выберется из тяжелого положения...’

(11) *me t'ubal ruš.a-h-ti* ***hi-č-ik'.i-guna...***
DEMM кольцо девушка-ANTE-LAT ANTE-LAT-совать.PF-TEMP
‘Когда он протягивает это кольцо девушке...’

Образование префиксальных производных не является продуктивным; многие префиксальные глаголы имеют идиоматическое значение, а некоторые лексемы, исторически включающие пространственный префикс, лексикализовались и были переинтерпретированы как простые глаголы.

В лезгинском языке система глагольной префиксации еще более неругулярна и лексикализована: хотя и там можно выделить более полутора десятков простых и составных превербов, многим из них трудно приписать определенное пространственное (или непространственное) значение, а форма большинства префиксов отлична от формы показателей локализации имени. При этом в лезгинском в систему префиксов входит также особая единица *q- / χ-*, выражающий значение рефактива — ‘опять, еще раз’ (вариант *χ-* выступает и как префикс, и как инфикс), см. (12). В отличие от лексически ограниченных пространственных префиксов, рефактивный показатель неограниченно продуктивен, в связи с чем М. Хаспельмат замечает, что рефактив (в его терминологии — «репетитив») может рассматриваться как словоизменяемая категория лезгинского глагола [Haspelmath 1993: 174].

(12) ЛЕЗГИНСКИЙ [Haspelmath 1993: 174—175]

<i>q-uwun</i> ‘сделать снова’, ‘починить’	← <i>awun</i> ‘сделать’
<i>q-lahun</i> ‘сказать снова’	← <i>luhun</i> ‘сказать’
<i>q-fin</i> ‘уйти’, ‘идти обратно’	← <i>fin</i> ‘идти’
<i>q-xun</i> ‘стать снова’, ‘излечиться’	← <i>xun</i> ‘быть, стать’
<i>χ-gun</i> ‘дать снова’	← <i>gun</i> ‘дать’
<i>χu-taχun</i> ‘нести обратно’	← <i>tuχun</i> ‘нести’
<i>aχkun</i> ‘увидеть снова’	← <i>akun</i> ‘увидеть’
<i>ruχgun</i> ‘закипеть снова’	← <i>rugun</i> ‘закипеть’

Близкий по форме и значению рефактивный префикс *q-* / *qV-* отмечается и в агульском языке, причем только в южных диалектах — керенском и хпюкском (13). Как и в лезгинском языке, в хпюкском диалекте агульского рефактивный префикс неограниченно продуктивен. Семантика префикса также соответствует лезгинскому аналогу: например, глаголы движения с рефактивным префиксом регулярно выражают значение перемещения в обратном направлении; рефактивный глагол ‘делать’ помимо значения ‘сделать снова’ может означать ‘починить, вылечить’, а рефактивный глагол ‘стать’ помимо значения ‘стать снова’ может означать ‘поправиться, выздороветь’.

(13) АГУЛЬСКИЙ, ХПЮКСКИЙ ДИАЛЕКТ

<i>q-awas</i> ‘сказать снова’	← <i>awas</i> ‘сказать’
<i>q-aq'as</i> ‘сделать снова’, ‘починить’	← <i>aq'as</i> ‘сделать’
<i>q-ag^was</i> ‘увидеть снова’	← <i>ag^was</i> ‘увидеть’
<i>qa-facas</i> ‘схватить снова’	← <i>facas</i> ‘схватить’
<i>qa-uχas</i> ‘выпить снова’	← <i>uχas</i> ‘выпить’
<i>qa-ic'as</i> ‘дать снова’, ‘отдать назад’	← <i>ic'as</i> ‘дать’
<i>qu-hatas</i> ‘послать обратно’	← <i>hatas</i> ‘послать’
<i>qi-šaw!</i> ‘возвращайся!’	← <i>šaw!</i> ‘приходи!’

В отличие от лезгинского, в агульском языке рефактивный префикс имеет «двойника» в системе пространственных превербов, описанной выше: по форме агульский рефактивный префикс близок к превербу локализации POST ‘за, сзади’ (оба имеют алломорфы *q-* и *qV-*). Синхронно, однако, мы имеем дело с двумя разными морфемами. Во-первых, локативный префикс POST сильно ограничен лексически и сочетается лишь с небольшим числом глагольных корней, тогда как рефактивный неограниченно продуктивен. Во-вторых, производные с префиксом POST и с рефактивом формально не совпадают: ср., например, локативный глагол *q-ixas* ‘прислонять’ (← POST + корень *-ix-* ‘класть’) и рефактивный глагол *qa-ixas* ‘снова класть внутрь’ (← RE + основа **?-ix-* ‘класть внутрь’). Последнее обстоятельство связано с третьим важным различием — если префикс POST присоединяется непосредственно к глагольному *корню*, то в сфере действия рефактива находится вся глагольная *основа*, в том числе — основа, уже включающая локативные префиксы. Это делает возможным образование рефактива и от локативных глаголов с самим префиксом POST, ср. *qa-qarxas* ‘снова упасть назад’ (← RE + основа *q-arx-* ‘упасть назад’).

Диакронически лезгинский рефактив восходит именно к пралезгинскому локативному префиксу локализации POST [Алексеев 1985: 121]. В целом, развитие из значения ‘сзади’ или ‘назад, обратно’ в значение повторности хорошо засвидетельствовано типологически [Heine, Kuteva 2002: 259—260] (ср. также [Майсак 2005: 374—375; Стойнова 2012: 190—195]). По нашему мнению, грамматикализация локативного префикса POST в рефактивный имела место только в лезгинском языке, но не в агульском: именно там префикс *q-* приобрел новое значение и новую дистрибуцию, тогда как значение локализации POST было закреплено за другим, новообразованным превербом *gal-*

/ *agal-*. Что же касается агульских диалектов, наша гипотеза состоит в том, что рефактивный префикс был заимствован в них из лезгинского языка.

Такой сценарий представляется наиболее вероятным в связи с тем, что рефактивный показатель зафиксирован только в тех агульских диалектах, которые расположены на южной периферии агулоязычного ареала и на границе с лезгиноязычным ареалом. Носители южных агульских идиомов на протяжении веков живут по соседству с лезгинами и владеют лезгинским языком. В основной массе агульских диалектов (на территории Агульского района) префикс с рефактивным значением отсутствует, причем нет оснований утверждать, что он когда-то существовал и был утрачен (в этом случае он мог бы сохраниться хотя бы в каких-то лексикализованных производных). Нет его и в табасаранском — третьем языке восточнолезгинской группы, ареал которого граничит как с агульским, так и с лезгинским. Заметим, что в хпюкском диалекте отмечаются и другие явления, которые можно трактовать как следствие влияния лезгинского языка: это, например, доминирование показателя множественного числа имени *-ar / -jar* (в ядерной части агульских диалектов — *-bur / -wur*), и нейтрализация двух локализаций *k-*: SUB ('под ориентиром') и *k-* CONT ('в контакте с ориентиром'), и полная утрата фарингализации.

Таким образом, появление в южных агульских говорах рефактивного префикса (по форме совпадающего с префиксом локализации POST) мы предлагаем считать достаточно чистым случаем «внутригруппового» копирования из одного из наиболее близкородственных языков — лезгинского. Это привело к возникновению в агульском двух «этимологических дублетов» — исконного префикса локализации POST и заимствованного префикса рефактива, восходящего к тому же пралезгинскому источнику.

4. Грамматикализация и возникновение типологически редких структур

В четырех статьях данного раздела, выносимых на защиту, исследуются три пути развития (в агульском и андийском языках), которые привели к появлению не только внутригенетически, но и типологически редких явлений. В агульском языке полная морфологизация матричного глагола (предположительно, ‘видеть’) и зависимого косвенного вопроса привела к возникновению серии синтетических форм с «верификативным» значением ‘узнать, выяснить, имеет ли место ситуация’ (раздел 4.1). Также в агульском языке засвидетельствовано дублирование субъектных местоимений при глаголе ‘говорить’ в постглагольной позиции: конструкцию типа «я сказал я» можно считать первым шагом на пути к грамматикализации личного согласования (раздел 4.2). В андийском языке отмечено явление эндоклизы, т. е. возможности появления двух клитик (аддитива и интенсификатора) внутри морфологически слитных отрицательных глагольных форм (раздел 4.3). Все три явления описаны нами впервые и дополняют существующие представления о тех грамматических структурах, которые могут возникать в языках нахско-дагестанской семьи.

4.1. «Верификативные» глагольные формы в агульском языке: случай морфологически связанной комплементации

Статьи, выносимые на защиту: [Maisak 2016a; Майсак 2016a]

В агульском языке отмечаются необычные как для языков нахско-дагестанской семьи, так и для языков мира в целом грамматикализация серии синтетических глагольных форм с «верификативным», или «проверятельным», значением. Впервые эта группа форм была описана на материале хпюкского диалекта в статье [Майсак, Мерданова 2004]. В хпюкском и ряде других агульских говоров эти формы содержат элемент *-čuk'* и выражают значение ‘проверить/выяснить, имеет ли место ситуация P’; образуются «проверятельные» формы от любой глагольной лексемы. Так, в (14) форма *ej-čuk'* образована от связки *e* и означает ‘проверь, является ли’.

- (14) *za-s, av.a-j-e, ha-ge gada fiš ej-čuk'*,
я-DAT говорить.IPF-CVB-COP [EM-DEMG мальчик кто COP]-VERIF(IMP)
av.a-j-e.
говорить.IPF-CVB-COP
‘Выясни для меня, кто этот парень, — говорит она отцу.’

От каждого глагольного корня может быть образовано целое множество «проверятельных» форм. Во-первых, элементу *-čuk'* предшествует не просто корень смыслового глагола, но производная от корня форма с определенным видо-временным значением, соответствующая одной из финитных форм. Так, форма *urip-* в примере (15) соотносится с аористом (перфективным прошедшим) *uripe* ‘сказал’, форма *qajnaj-* в (16) — с перфектом/результативом *qajnaja* ‘вернулся’, форма *quɣ^waj-* в (17) — с презенсом *quɣ^waja* ‘возвращается’.

- (15) *gi č^wa-s a-je-χildi ur.u-n-čuk'.u-na*
[DEMG(ERG) you.PL-DAT IN.be-PT-MNR say.PF-AOR]-VERIF.PF-CVB
kian-d-e.
need-CVB-COP
‘Надо выяснить, сказал ли он вам правду (букв. как есть).’

- (16) *gada.ji ruš qaj-naj-čuk'.u-ne.*
парень(ERG) [девушка RE:приходить:PF-PRF]-VERIF.PF-AOR
‘Парень выяснил, вернулась ли девушка.’

- (17) *ruš waχtuna qu-ŋ^w.aj-čuk’*
 [девушка вовремя RE-идти.IPF:PRS]-VERIF(IMP)
 ‘Проверь, вовремя ли вернется домой девочка.’

Во-вторых, при помощи элемента *-čuk’*- фактически образуется производная глагольная основа со значением ‘проверять/выяснить, имеет ли место ситуация Р’; от этой основы, как и от основы любого регулярного глагола, могут быть образованы различные формы глагольной парадигмы — потенциально, любая из таких форм. Так, в (14) и (17) «проверятельная основа» на *-čuk’*- имеет форму императива, в (16) — аориста, а в (15) — нефинитную форму деепричастия в зависимой клаузе.

Таким образом, каждая из «проверятельных» форм описывает две ситуации и, соответственно, на семантическом уровне включает две глагольные вершины. Одна ситуация — это собственно ситуация проверки/выяснения (она кодируется элементом *-čuk’*-), другая ситуация — та, наличие которой проверяется (она кодируется смысловым глаголом).

Вершинные свойства элемента *-čuk’*- не исчерпываются тем, что он создает дополнительный локус маркирования видо-временных категорий. «Собственно верификативная» часть верификативных форм вводит собственный агентивный актант (в эргативе) с ролью «проверяющего» — того, кто осуществляет проверку наличия определенного положения дел, ср. *gada.ji* ‘парень’ в (16). При семантической вершине ‘проверять’ возможно также выражение бенефактива в дательном падеже (для кого осуществляется проверка). Наконец, в сфере действия обстоятельства может находиться именно ситуация проверки, ср. ‘вчера’ в (18).

- (18) *zun jaŋa gada.ji naq’ dars ruχ.u-naj-čuk’.a-s-e*
 я(ERG) сегодня [парень(ERG) вчера урок учить.PF-PRF]-VERIF.IPF-INF-COP
 ‘Я выясню сегодня, выучил ли мальчик вчера урок.’

При том, что элемент *-čuk’*- проявляет глагольные свойства, «проверятельные» формы являются полностью морфологизованными: в современном языке не существует никакого их более «полного», исходного варианта, в котором ситуация проверки и проверяемая ситуация выражались бы автономными словоформами. Заметим, что матричные глаголы — такие, как *χas* ‘стать; мочь’, *aq’as* ‘делать; заставлять’ или *krandea* ‘хотеть; нужно’, — не проявляют в агульском языке тенденции к универбации, сохраняя морфологическую и синтаксическую автономность. Верификативные формы исторически восходят именно к конструкциям с матричным предикатом, хотя уникальны в отношении полного слияния глаголов главной и зависимой клаузы.

Понять структуру верификативных форм помогает параллелизм той формы смыслового глагола, которая выступает в верификативных производных, с формами условного наклонения. Финитные форм индикатива в агульском языке имеют аналитическую структуру (см. раздел 2.1). Им соответствует серия также аналитических по структуре форм условного наклонения, в которых вспомогательный глагол маркирован аффиксом *-čī* (ср. связку *ejčī*, стативный глагол *ajčī*). Очевидно, что именно эти условные формы и служат базой для образования «проверятельной» серии. Исходная сложноподчиненная синтаксическая структура, послужившая основой для морфологизованных форм на *-čuk’*-, — это матричный предикат с зависимым косвенным вопросом, который в агульском языке стандартно кодируется как протасис условного предложения.

Тем самым, исторически хпюкский элемент *-čuk’*- представляет собой морфологизацию условной формы (точнее, серии условных форм) на *-čī* и матричного предиката типа **uk’*- со значением ‘проверять, выяснять’. Оставаясь внутри собственно хпюкского говора, трудно себе представить кандидата на роль этого глагола. Однако «проверятельные» формы, аналогичные хпюкским, отмечаются и в других агульских говорах,

Так, в говорах с. Рича и с. Тпиг хпюкской последовательности *-čuk'* соответствует *-čug-*. Эта форма дает ключ к установлению лексического источника, игравшего в исходной конструкции роль матричного предиката. Как семантически, так и формально на эту роль подходит общеагульский глагол *ag^was* 'видеть' (корень *ag^w-*): его значение достаточно близко к 'проверять, выяснять', а появление последовательности *-čug-* из исходного сочетания *-či ag^w-* легко объясняется стяжением гласных и переходом лабиализации с конечного согласного корня на гласную. Форма хпюкского показателя *-čuk'* в таком случае представляет собой результат нерегулярного перехода звонкого веллярного /g/ в абруптив /k'/. Эта гипотеза имеет и явную параллель в арчинском языке (см. ниже). В других агульских говорах верификативные конструкции имеют похожую форму, ср. *-čiw-* в говоре с. Усуг, *-čiq'* в говорах сс. Кураг и Хутхул, *-š^wk'* в говоре с. Гоа. Таким образом, на «общеагульском» уровне можно говорить о наличии верификативной конструкции (или серии верификативных форм), восходящей к сочетанию зависимого косвенного вопроса и матричного глагола.

Обнаружение верификативной конструкции в агульском языке позволило «перекрывать» близкое явление в арчинском языке: в арчинской грамматике 1977 года А. Е. Кибрик упоминает «узнавательное-целевое союзное деепричастие» на *-klus* со значением 'некто совершает главное действие с целью узнать, истинно ли второстепенное действие V' [Кибрик 1977: 291]. «Узнавательный» компонент выражается показателем *-klus* — редуцированной формой инфинитива глагола *aklus* 'видеть' (19). В отличие от агульского языка, «смысловая» часть верификатива кодируется в арчинском интеррогативной финитной формой глагола, а не кондиционалом, — в арчинском представлена другая стратегия оформления зависимой части косвенного вопроса. Как выяснилось впоследствии, уже на фоне изучения агульского верификатива, в арчинском видо-временное маркирование «вершинного» компонента *-klus* не ограничено инфинитивом (20, 21). Тем самым, так же, как и в агульском, в арчинском собственное видо-временное маркирование есть как у «смысловой» части, так и у верификативного компонента.

АРЧИНСКИЙ [Кибрик 1977: 291; Даниэль, Майсак 2014: 389]

- (19) *halmaχdu w-i-r-kus*
[друг I-быть-Q]-VERIF.INF
'...чтобы узнать, есть ли (дома) друг.'
- (20) *χ^walli bo-ɬo-r-ku*
[хлеб III-дать-IPF.Q]-VERIF.PF
'(Я) посмотрела, дадут ли мне хлеб.'
- (21) *k^wa-r-k^wa*
[I.умереть-IPF.Q]-VERIF.IMP
'Проверь, умрет ли он.'

С точки зрения типологии грамматикализации арчинский и агульский верификативы интересны в целом ряде отношений. Во-первых, имеет место семантический сдвиг от неагентивной ситуации 'увидеть' к агентивной 'выяснить, проверить'. Во-вторых, этому изменению значения бывшего матричного глагола соответствует изменение падежного кодирования субъекта-«верификатора» (того участника, который осуществляет проверку): при исходном глаголе 'видеть' субъект-экспериментер в обоих языках оформляется дативом, тогда как роль «проверяющего» кодируется эргативом, падежом агенса. Наконец, удивительным является полное морфологическое слияние двух глагольных форм — бывшего матричного предиката и вершины косвенного вопроса. Это обстоятельство говорит о том, что морфологизация в данном случае «обогнала» собственно синтаксическую переинтерпритацию конструкции, которая позволила бы говорить о превращении сложноподчиненного предложения в «сложный предикатив».

кат» (или «союз клауз», ср. понятия *clause fusion, clause union*) с единым набором аргументов. В агульском и арчинском языках семантически главная и семантически зависимая клауза (собственно ‘проверить, выяснить’ и ситуация, наличие которой проверяется) остаются синтаксически автономными, поскольку сохраняют собственные аргументы, способны присоединять собственные обстоятельства и имеют каждая свою видо-временную характеристику. Произошедший процесс можно охарактеризовать как морфологизацию без синтаксического «опрошения», а результат этого процесса — как морфологически связанную комплементацию. Наиболее распространенным примером морфологически связанной комплементации могут служить морфологические каузативы, для которых в ряде языков бывает верно сказанное выше о верификативных конструкциях. Засвидетельствованное же лишь в двух лезгинских языках развитие морфологического верификатива из глагола ‘видеть’ можно признать типологически уникальным. При этом арчинский и агульский являются лишь дальними родственниками в рамках лезгинской группы и на протяжении тысячелетий вели независимое существование; о контактах между ними, судя по имеющимся данным, говорить не приходится.

4.2. Дублирование субъектных местоимений в агульском языке

Статьи, выносимые на защиту: [Maisak 2016b]

В агульском языке встречается конструкция, в которой местоименный субъект выражается при финитном глагольном сказуемом дважды. Так, в (22) главную клаузу можно буквально перевести как ‘я говорю я’: местоимение 1-го лица *zun* ‘я’ в форме абсолютива/эргатива присутствует здесь как перед, так и после глагола ‘говорить’ в форме презенса. Наше исследование посвящено рассмотрению данной конструкции, которую мы будем называть конструкцией с дублированием местоимения, на материале корпуса устных текстов на хпюкском диалекте.

- (22) *zun* *в.а-а* *zun*, “*ha-mi-šti*
 я говорить.IPF-PRS я EM-DEMM-ADV(GEN)
še? *ag.u-ne* *za-s*”.
 вещь видеть.PF-AOR я-DAT
 ‘Я говорю, что, мол, такую вещь я видел.’

Дублирование местоимений не является частотным, хотя встречается в спонтанной агульской речи у носителей разных поколений и не расценивается как речевая ошибка; в письменных текстах и при элицитации (например, переводе предложений с русского) дублирование не отмечено. В существующих грамматических очерках агульского языка существование конструкции с дублированием не упоминается.

Общая структура конструкции с дублированием такова: «местоименный субъект – финитный глагол – местоименный субъект». Ни первое, ни второе вхождение местоимения не отделены от глагола паузой или сменой интонации. Конструкция с дублированием зафиксирована только при местоименном субъекте, но не при полных именных группах (типа *«отец сказал отец»). Более того, в конструкции представлены только местоименные субъекты — точнее, агенты переходного глагола в форме эргатива.

В корпусе в конструкции с дублированием встречаются следующие местоимения: *zun*, личное местоимение 1-го л. ед.ч.; *čın*, личное местоимение 1-го л. мн.ч., эксклюзивное; *mi*, ближний демонстратив; *uči* (ед.ч.) / *čipı* (мн.ч.), рефлексивное/логофорическое местоимение, используемое также как анафор. Данная конструкция зафиксирована только с одним глаголом — это основной и чрезвычайно частотный в текстах глагол речи *awas* ‘говорить’. Цитата при этом почти всегда располагается после главной клаузы. Таким образом, в уточненном виде структура конструкции с дублированием местоимения выглядит следующим образом: «местоименный субъект – финитный глагол ‘говорить’ – местоименный субъект – цитата».

В общей сложности конструкция с дублированием встречается в корпусе хпюкских текстов чуть более 60 раз. Она не является принадлежностью определенного идиолекта или поколения говорящих. В подавляющем большинстве случаев (46 из 62) конструкция отмечена с местоимением 1-го л. ед.ч., реже засвидетельствованы местоимение 'мы' и анафорические средства 3-го лица — ближний демонстратив и рефлексив/логофор. Финитное сказуемое чуть более чем в половине случаев представлено формой аориста (перфективного прошедшего) глагола 'говорить', частотна также форма презенса — она во всех примерах используется в контексте «настоящего исторического» типа 'и тут я ему говорю...'. Тем самым, конструкция встречается прежде всего в нарративном контексте, при введении в рассмотрение ситуации говорения как одного из следующих друг за другом событий повествования.

В значительном числе примеров (не менее трети) дублирование используется при смене топики от одного участника эпизода к другому: 'X что-то сделал, а затем (в ответ на это) я/мы/он(и) сказал(и)...'. Во многих случаях, однако, смены топики не происходит, и участник ситуации говорения, которая вводится конструкцией с дублированием, остается текущим топиком (*continuing topic*).

Вероятно, на выбор конструкции оказывают влияние несколько факторов помимо собственно свойств референта. Так, можно заметить, что некоторые клаузы с дублированием начинают новый эпизод повествования — независимо от того, происходит при этом или нет смена участника. В целом же ни смена текущего топики, ни начало нового эпизода, ни выбор режима повествования, по-видимому, не определяют полностью выбор конструкции с дублированием, так что выявление условий ее употребления во многом остается делом будущего.

Можно выдвинуть несколько различных гипотез о *сценарии возникновения* конструкции с дублированием местоименного субъекта. В целом в предложениях, вводящих цитату (P), стандартно используется один из двух порядков: SVP, т.е. «субъект – глагол говорения – цитата», либо PVS, т.е. «цитата – глагол говорения – субъект». Второй порядок слов, с главной клаузой после цитаты и постпозицией субъекта, по частотности существенно преобладает.

Можно было бы предположить, что модель SVS основана на «канонической» структуре с порядком SV, которая была «усилена» еще одним вхождением субъекта после глагола, ср. схематическое изображение:

[МЕСТОИМЕНИЕ ГЛАГОЛ] + МЕСТОИМЕНИЕ
(например, *zun pune* 'я сказал' + *zun* 'я').

Однако такая ситуация выглядела бы правдоподобной в том случае, если бы порядок «субъект – глагол речи» был доминирующим, а конструкция с дублированием (как инновативная структура, появившаяся в определенном дискурсивно-прагматическом контексте) составляла бы сравнительно небольшую часть от всех употреблений с начальным субъектом. В действительности же корпусные данные показывают нам противоположную картину: структура «субъект – глагол речи» для большинства местоимений редка, и конструкция с дублированием даже превышает ее по частотности. Это заставляет искать для конструкции с дублированием другой источник. По нашему мнению, своим появлением она обязана в первую очередь распространенности постпозитивного субъекта при глаголе речи — частотной настолько, что структура «глагол речи – субъект» стала использоваться в речи как единый устойчивый «блок». Соответственно, при порождении начального субъекта за ним во многих случаях автоматически следовало не просто финитное сказуемое, но целый «блок», включающий финитный глагол с постпозитивным субъектом:

МЕСТОИМЕНИЕ + [ГЛАГОЛ МЕСТОИМЕНИЕ]
(например, *zun* 'я' + *pune zun* 'сказал я').

Говоря о внутригенетических и более далеких типологических параллелях рассматриваемой конструкции, нельзя не упомянуть систему личного согласования в табасаранском языке, ближайшем родственнике агульского. В табасаранском личные показатели восходят к падежным формам личных местоимений 1—2 л. и располагаются в постпозиции к глаголу; согласования с третьим лицом нет. Субъектное согласование ориентировано на единственный ядерный аргумент непереходного предиката либо на агенс переходного, однако при переходном глаголе возможно и полиперсонное согласование, когда в определенных случаях (при коммуникативном выделении) на глаголе маркируется не только агенс, но и другой аргумент, ср. *uzu hari? aqun-zu* ‘я в лесу оказался’, *uzu uvuz vivun-za(-vuz)* ‘я (тебя) ударил’ [Кибрик 2003: 471—474]. Учитывая, что табасаранские согласовательные маркеры явным образом развились из личных местоимений, в примерах с выраженным местоименным субъектом можно видеть грамматикализованный аналог дублирования, представленного в агульском. Тем не менее, ситуация в двух языках значительно различается. Во-первых, агульское дублирование затрагивает не только первое лицо, но и третье, которое в табасаранском находится вне системы согласования. Во-вторых, постглагольные местоимения в агульском (не считая самого факта избыточности двойного выражения субъекта) ни в чем не напоминают показатели согласования — они просто совпадают с полными местоимениями и ни формально, ни функционально не проявляют существенных признаков грамматикализации. Так, повтор местоимения не является обязательным (и, более того, крайне редок), имеет ограниченное лексическое наполнение, а само местоимение в позиции после глагола не подвергается редукции.

Как указывает М. Е. Алексеев, «факты личного субъектного согласования... отмечаются и в крызском языке: *зын карджаьн тезпаьчаь шер-зын* ‘я на работу спешу’, *зын марка конвертджуь къуькodu-зын* ‘я марку на конверт наклеил’» [Алексеев 1985: 134]; здесь обращает на себя внимание повтор после глагола субъектного местоимения первого лица (*зын* ‘я’). Исследователь крызского языка Ж. Отье напрямую соотносит данное явление с контактным влиянием со стороны азербайджанского языка, обладающего личным согласованием [Authier 2010: 31—32]. Возможность влияния азербайджанского языка на повтор местоимений после глагола нельзя отрицать для крызского и табасаранского языков, однако агульский (наряду с арчинским) среди языков лезгинской группы был подвержен азербайджанскому влиянию в наименьшей степени: агулоязычный ареал не граничит с азербайджанскими селами, и нет оснований предполагать сколько-нибудь значимое знание агульцами азербайджанского языка в прошлом.

Итак, конструкция с дублированием субъектного местоимения после глагола, рассмотренная нами в устном корпусе одного из агульских диалектов, свойственна именно спонтанной речи и не является очень частотной. Финитным сказуемым в конструкции является один и тот же глагол — основной глагол речи ‘говорить’, а наиболее частотный тип субъекта в данной конструкции — местоимение первого лица ‘я’; на сочетании «я сказал я» с аористом и «я говорю я» с презенсом глагола речи приходится более двух третей всех употреблений конструкции в корпусе. Вместе с тем, эти выражения не являются застывшими формулами: в состав конструкции могут входить и другие формы глагола, а также другие местоимения.

Особенности порядка слов при вводе цитат (преобладающая постпозиция субъекта речи в случае, если главная клауза, вводящая цитату, располагается после цитаты или ее части) позволяют предположить, что конструкция с дублированием не представляет собой «каноническую» клаузу с порядком «субъект – глагол», после которой говорящий вторично употребляет субъектное местоимение. Скорее, речь идет о контаминации начального субъекта (после которого в редких случаях может располагаться другая составляющая) и частотного в нарративах порядка «глагол – субъект».

4.3. Эндоклитики в отрицательных глагольных формах андийского языка Статья, выносимая на защиту: [Maisak 2021a]

Эндоклитики – это типологически редкий вид клитик, которым помимо «канонических» для клитик позиций доступна и позиция внутри слова, которое эндоклитики «разрывают». Набор языков, в которых было подтверждено наличие эндоклитик, не так велик, причём для некоторых из них предлагались и альтернативные описания, которые сводятся к тому, что данный феномен на самом деле нельзя относить к эндоклизе. С типологической точки зрения элементы, выступающие в роли эндоклитик, могут выполнять различные функции и присоединяться к словам разных классов. Однако чаще всего в роли «хоста» (опорного слова) для показателей эндоклитик выступает глагол. Среди собственно эндоклитик чаще всего встречаются показатели согласования по лицу и числу, а также частицы фокуса/топика, адлоги и показатели времени и вида.

Среди нахско-дагестанских языков лишь удинский, язык лезгинской группы, ранее упоминался как один из ярких представителей языков с эндоклитиками, будучи описанным в качестве такового Э. Харрис [Harris 2000, 2002]. Наше исследование показывает, что андийский язык, принадлежащий к аваро-андийской группе, также обладает эндоклитиками, хотя их набор и дистрибуция значительно отличаются от удинских. В андийском языке как эндоклитики ведут себя две морфемы: это показатель аддитива =*lo* и усилительная частица (интенсификатор) =*gu*. Их статус как эндоклитик проявляется в сочетании с отрицательными глагольными формами: обе единицы помещаются внутрь глагола непосредственно перед показателем отрицания. Так, в (23a) аддитивный показатель =*lo* присоединяется в качестве энклитики к двум сочиненным формам аориста, а в (23b) тот же самый показатель является эндоклитикой внутри отрицательной формы аориста. Вынос =*lo* на правую периферию глагола, в обычную энклитическую позицию, невозможен (23b’):

- (23) a. *djo hege-w hago = lo, anti = lo.*
я.АФФ ДЕМ-М видеть.АОР=АДД слышать.АОР=АДД
‘Я видел и слышал его.’
- b. *djo hege-w hago = lo = su, anti = lo = su.*
я.АФФ ДЕМ-М видеть.АОР=АДД=НЕГ слышать.АОР=АДД=НЕГ
- b’. **djo hege-w hago = su = lo, anti = su = lo.*
я.АФФ ДЕМ-М видеть.АОР=НЕГ=АДД слышать.АОР=НЕГ=АДД
‘Я его не видел и не слышал.’

Андийский язык относится к недостаточно описанным языкам семьи. Грамматические очерки [Дирр 1906; Сулейманов 1957; Церцвадзе 1965; Салимов 2010] дают лишь общие обзоры фонологии и морфологии языка. Поведение клитик в опубликованной литературе по андийскому языку никогда подробно не обсуждалось, и само явление эндоклизы в нем было обнаружено нами лишь в последние годы во время полевых исследований в Республике Дагестан (село Риквани, 2015—2017).

Основные формы глагола ‘быть, стать’ в рикванинском говоре андийского языка представлены в Таблице 2 (начальное *b-* в этом глаголе – классно-числовой показатель единственного числа III-IV классов). Заметим, что андийский язык достаточно необычен по сравнению с близкородственными языками своей ветви тем, что в нем связка настоящего времени *i* (или *ži*, *zi* в зависимости от диалекта) ограничена практически исключительно экзистенциальными и локативными контекстами, т.е. ведет себя, скорее, как экзистенциальный глагол, а не полноценная связка. Таким образом, парадигма основных форм глагола является целиком синтетической, без аналитических форм со связкой. В Таблице 2 показаны также отрицательные формы в сочетании с аддитивом =*lo*: при присоединении к глаголу клитика помещается непосредственно перед показа-

телем отрицания (поведение =*gu* аналогично). В формах со стандартным показателем отрицания *-s:u* это позиция перед *-s:u*, а в нерегулярных формах отрицательного будущего и прохибитива эндоклитики помещаются после кумулятивного показателя вида/времени и отрицания — исторически это отрицательное *-s:u*, слившееся с другой морфемой. В отрицательном перфекте/перфективном деепричастии клитика занимают позицию перед *-č'igu* — кумулятивным показателем, не включающем при этом *-s:u* даже диахронически.

Таблица 2. Отрицательные формы глагола ‘быть, становиться’

Форма	Утвердительная	Отрицательная	+ ADD
Аорист	<i>bik'o</i>	<i>bik'o-s:u</i>	<i>bik'o=lo=s:u</i>
Перфект (= перфективное деепричастие)	<i>bik'o-d</i>	<i>bik'o-d-s:u / bik'o-č'igu</i>	<i>bik'o-d=lo=s:u / bik'o=lo=č'igu</i>
Прогрессив	<i>bik'o-rado</i>	<i>bik'o-rado-s:u</i>	<i>bik'o-rado=lo=s:u</i>
Презенс	<i>bik'u-du</i>	<i>bik'u-du-s:u</i>	<i>bik'u-duq=lo=s:u</i>
Проспектив	<i>bik'u-duq</i>	<i>bik'u-duq-s:u</i>	<i>bik'u-dulq=lo=s:u</i>
Интенционал	<i>bik'u-dulq</i>	<i>bik'u-dulq-s:u</i>	<i>bik'u-duwojd=lo=s:u</i>
Презенс «нарушенного ожидания»	<i>bik'u-duwojd</i>	<i>bik'u-duwojd-s:u</i>	<i>bik'u-david=lo=s:u</i>
Хабитуалис	<i>bik'u-david</i>	<i>bik'u-david-s:u</i>	<i>bik'u-do=lo=s:u</i>
Будущее (= имперфективное причастие)	<i>bik'u-do</i>	<i>bik'u-do-s:u</i>	<i>bik'u-do=lo=s:ja</i>
Императив	<i>bik'u-dja</i>	<i>bik'u-dos:ja</i>	<i>bik'u-do=lo=s:ub</i>

Энклитики-аддитивы с основным значением ‘и, также’ очень распространены в нахско-дагестанских языках. Они обладают большим количеством грамматических и прагматических функций и достаточно частотны в дискурсе. В частности, аддитивные клитики встречаются при симметричном сочинении именных групп, а иногда и других типов составляющих. В андийском хозяином аддитива =*lo* может быть вершина именной группы, прилагательное, наречие, глагол. Опорное слово всегда является полной словоизменяемой формой (не основой), без ограничений на то, в какой конкретно форме оно стоит.

Энклитика =*gu* принадлежит к группе показателей, которые относительно необычны для нахско-дагестанской семьи в целом, но весьма типичны для аваро-андийской ветви. К функциям этого показателя относятся эмфатическое выделение и контраст, скалярная аддитивность (‘даже’) и выражение идентичности (‘тот же самый’). В частности, этот показатель обязателен в рефлексивном контексте, причем как на специальном рефлексивном местоимении третьего лица, так и на местоимениях первого/второго лица.

В большинстве случаев отрицательная глагольная форма образуется от утвердительной присоединением суффикса *-s:u*. Точно так же (*s:u*) в андийском выглядит и отрицательная связка. При наиболее «минималистичном» подходе возможен анализ, в соответствии с которым подобные отрицательные формы на самом деле являются аналитическими и содержат связку (в работе мы, однако, приводим аргументы в пользу трактовки *-s:u* как отрицательного суффикса, отличного по статусу от связки). В этом случае сочетания *s:u* с клитиками =*lo* и =*gu* можно трактовать как последовательности двух клитик: аддитива и отрицания или, соответственно, интенсификатора и отрицания.

Ключевым свидетельством эндоклитического статуса аддитива и интенсификатора является их поведение на глагольных формах прохибитива с показателем *-dos:ub* и отрицательного будущего времени с показателем *-dos:ja* — в обоих случаях значения вида/времени/модальности и отрицания выражаются кумулятивно. Несмотря на слитный характер обоих показателей, обе эти морфемы «разрываются» клитиками =*lo* и =*gu*, которые отделяют собственно «отрицательную» часть, начинающуюся с *-s:u- / s:*.

- (24) *men ru-do-lo:sub, q^war-do-lo:sub.*
ты говорить-PROH<ADD> писать-PROH<ADD>
'Не говори и не пиши.'
- (25) *iš-l'o se-b = gulo ru-do-gu:sja*
мы.EXCL-SUPER.LAT один-IV=INDEF говорить-FUT.NEG<INT>
'Он нам ничего не расскажет.'

Другим примером «чистой» эндоклизы является использование клитик с отрицательным перфектом, который не содержит морфему *-s:u* даже с диахронической точки зрения, а использует специальный показатель *-č'igu*.

- (26) *hege-š-bo hege-j hačo = lo = č'igu, anti = lo = č'igu*
DEM-OBL.M-AFF DEM-F видеть=ADD=PRF.NEG слышать=ADD=PRF.NEG
'Он ее не видел и не слышал.'

В отличие от отрицательных форм на *-dos:ub* и *-dos:ja*, форма на *-č'igu* не может быть проанализирована как состоящая из двух морфем. Хотя, согласно Алексееву [1988: 119] суффикс *-č'i*, вероятно, был основным маркером отрицания на праандийском уровне, в андийском *-č'igu* является единственным «рудиментом» этой праязыковой морфемы. Тем самым, «внедрение» клитик перед этим показателем является именно «разрывом» синтетической глагольной словоформы.

Итак, в андийском языке две клитики, *=lo* (аддитив) и *=gu* (интенсификатор), можно считать «истинными» эндоклитиками, поскольку в синтетических отрицательных глагольных формах они отделяют показатель отрицания от остальной части глагола. Когда *=lo* и *=gu* находятся перед *-s:u*, теоретически возможен анализ этого сочетания как последовательности двух клитик, учитывая, что *-s:u* совпадает с отрицательной связкой в андийском. Однако в таких формах, как отрицательный перфект, отрицательное будущее и прохибитив отрицание маркируется посредством морфем, которые либо слиты с отрицательным *s:u* в единую морфему, либо вообще не содержат *s:u*. В этих случаях анализ *=lo* и *=gu* как эндоклитик кажется неоспоримым — их сочетание с глагольным отрицанием нельзя описать как последовательность клитик.

В литературе, посвященной явлению эндоклизы, интерморфемные эндоклитики, которые помещаются между соседними морфемами, противопоставляются интраморфемным, которые «разрывают» морфему. Из этих двух типов второй встречается значительно реже [Smith 2013; Zimmerling 2016]. На первый взгляд, андийские эндоклитики *=lo* и *=gu* кажутся интерморфемными, т.к. занимают позицию перед отрицательным элементом. Но в то же время не до конца ясно, следует ли на синхронном уровне считать отрицательный суффикс будущего времени *-dos:ja* и прохибитивный суффикс *-dos:ub* членимыми морфемами. Исторически это вполне вероятно, однако в современном языке нет оснований рассматривать их как сочетание двух морфем. Если мы считаем показатели отрицательного будущего и прохибитива нечленимыми суффиксами, то эндоклитики *=lo* и *=gu* следует считать именно интраморфемными.

В нашем исследовании подчеркивается, что среди андийских клитик именно аддитив и интенсификатор могут использоваться как эндоклитики. В специальном разделе работы мы описываем отмечаемую в ряде языков мира (в т.ч. уральских, тунгусо-маньчжурских и др.) типологическую тенденция к внутрисловному расположению морфем со значениями типа 'тоже', 'даже' или 'только'. Андийский язык следует этой тенденции, доводя ее до той стадии, когда внутри слова располагаются единицы с таким значением, имеющие клитический статус.

5. Заключение

В публикациях, составивших настоящую диссертацию, рассмотрены типологические, внутригенетические и ареальные аспекты грамматикализации в нахско-дагестанских языках, главным образом в системе глагола. Исследования выполнены преимущественно на материале агульского и удинского языков лезгинской группы и андийского языка аваро-андийской группы, в качестве сравнительного материала привлекаются и данные других языков семьи. Подавляющее большинство явлений в работах автора описано и помещено в теоретический и типологический контекст впервые (ряд явлений агульского языка — в соавторстве с С. Р. Мердановой).

Первая часть диссертации включает три работы, анализирующие внутригенетическое варьирование в употреблении причастий в лезгинских языках, в том числе в аналитических глагольных формах и в определительных клаузах. В этой части продемонстрированы следующие положения:

- Особенностью агульской видо-временной системы индикатива, отличающей агульский от близкородственных восточнолезгинских языков, является наличие «причастной» подсистемы аналитических форм, семантически и (с некоторыми оговорками) структурно параллельной базовой подсистеме. Формы «причастной» подсистемы выражают в целом тот же круг видо-временных значений, что и базовые формы, однако отличаются с точки зрения информационной структуры.

- Причастные клаузы в агульском и удинском языках в полной мере относятся к выделяемому в типологической литературе последних лет типу «обобщенных клаузальных конструкций, модифицирующих имя» (GNMCCs), обладающих максимально широкими возможностями ассоциации между вершинным именем и ролью обозначенного им референта в модифицирующей клаузе. При этом в каждом языке корпусные исследования показывают свои особенности в точки зрения частотности релятивизируемых аргументов. Так, агульский язык оказывается необычным в отношении частотности «неядерной» релятивизации (локативные аргументы и сирконстанты, вершины со значением времени и места, а также релятивизация адресата), на которую приходится 42% причастных клауз. Удинский остается единственным из ранее обследованных в данном отношении языков семьи, у которого частотность релятивизации агенса превышает таковую для пациенса; релятивизация неядерных ролей в удинском находится на периферии по сравнению с агульским.

Во второй части рассмотрены ареальные аспекты грамматикализации в лезгинских языках. В трех статьях этой части продемонстрированы следующие положения:

- Заимствованная азербайджанская клитика условного наклонения заполнила ряд функциональных лакун в удинском языке, став регулярным средством выражения реального условия и войдя в состав показателя серии неопределенных местоимений. При этом, будучи материальным заимствованием, в структурном плане клитика условного наклонения способствовала тому, чтобы удинский язык увеличил свое сходство в родственных языками лезгинской группы, в которых аналогичные функции также имеют специализированные средства кодирования, хотя и не заимствованные.

- Напротив, заимствование иранского числового классификатора *dänä* способствовало отдалению удинского языка от типологического профиля лезгинских и, шире, нахско-дагестанских языков, поскольку сделано удинский единственным языком семьи, обладающим, пусть и редуцированной, системой числовой классификации.

- Распространение рефактивного преверба в южных диалекта агульского языка, по всей видимости, связано с заимствованием преверба из близкородственного лезгинского языка и привело к возникновению в агульском этимологических дублетов, в конечном итоге восходящих к пралезгинскому локативному префиксу локализации POST.

В статьях, включенных в третью часть, исследованы примеры возникновения не только внутригенетически, но и типологически редких структур. Продемонстрированы следующие положения:

- В агульском языке полная морфологизация матричного глагола (предположительно, 'видеть') и зависимого косвенного вопроса привела к возникновению серии «верификативных» синтетических форм с значением 'узнать, выяснить, имеет ли место ситуация'. Эти формы представляют собой пример морфологически связанной комплементации: в данном случае процесс морфологизации значительно «обогнал» утрату синтаксической автономности бывшего матричного глагола, который сохраняет аргументную структуру, способность к модификации обстоятельством, независимые от лексического глагола видо-временные характеристики.

- Дублирование в агульском языке субъектных местоимений в постглагольной позиции (конструкция типа «я сказал я», «он сказал он» и т.п.) является необычной с точки зрения ограниченности одним лексическим глаголом ('говорить'), но наряду с этим может рассматриваться в качестве первого этапа на пути к грамматикализации личного согласования, выражаемого дублированием клитик, имеющего аналог в близкородственном табасаранском языке.

- Линейное расположение двух клитик в андийском языке, аддитива и интенсификатора, внутри синтетических отрицательных глагольных форм, позволяет утверждать, что в андийском представлено явление эндоклизы. Андийский вариант эндоклизы типологически необычен, будучи ограниченным отрицательными формами глагола, однако само по себе «неканоническое» расположение в слове морфем со значением 'тоже' или 'даже' отвечает тенденции, отмечаемой в ряде языков мира.

Сокращения

1SG, 1PL, 3SG – показатели лично-числового согласования; ABL – аблатив; ADD – аддитивная частица; ADV – адвербиальный показатель; AFF – аффектив; ANTE – локализация ‘спереди’; AOR – аорист; CLSF – классификатор; COND – условная форма глагола; COP – связка; CVB – деепричастие; DAT – датив; DEV – дебитив; DEM – демонстратив; DEMG / DEMM / DEMT – серии демонстративов (в агульском); ELAT – элатив; EM – эмфатический префикс; ERG – эргатив; EXCL – эксклюзив; F – женский род; FUT – футурум; GEN – генитив; I, III, IV – показатели рода (именного класса); IMP – императив; IN – локализация ‘внутри’; INDEF – показатель неопределенности; INF – инфинитив; INT – интенсификатор; IPF – имперфектив / несовершенный вид; LAT – латив; LV – служебный глагол (в сложных глаголах); M – мужской род; MNR – наречие образа действия; NEG – отрицание; OBL – косвенная основа; PF – перфектив / совершенный вид; PL – множественное число; POST – локализация ‘сзади’; PRF – перфект; PRON – прохибитив; PRS – презенс; PST – прошедшее время; PT – причастие; Q – общий вопрос; SA – условная клитика (в удинском); ST – отделяемая часть основы; SUB/CONT – локализация ‘под’/‘в контакте’; SUPER – локализация ‘сверху’; TEMP – темпоральный конверб; VERIF – верификатив.

Список литературы

- Алексеев М. Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М.: Наука, 1985.
- Алексеев М. Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М.: Наука, 1988.
- Гукасян В. Л. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков. Автореферат дисс. ... докт. филол. наук. Баку, 1973.
- Гукасян В. Л. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974.
- Даниэль М. А., Ландер Ю. А. Неравноправие ролей в относительных конструкциях: материалы по частотности релятивизации в арчинском и удинском языках // Семантика языковых единиц разных уровней: Ежегодный сборник научных трудов. Вып. 15. Махачкала: ДГУ, 2013. С. 59—78.
- Даниэль М. А., Майсак Т. А. Грамматикализация верификатива: об одной агульско-арчинской параллели // В. А. Плунгян и др. (ред.). Язык. Константы. Переменные: Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 377—406.
- Джейранишвили Е. Ф. Удийский язык: Грамматика. Хрестоматия. Словарь. Тбилиси, 1971. [На груз. яз.]
- Дирр А. М. Грамматика удинского языка // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 33. Тифлис, 1904.
- Дирр А. М. Краткий грамматический очерк андийского языка // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 36. Тбилиси, 1906.
- Кибрик А. Е. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 2: Таксономическая грамматика. М.: МГУ, 1977.
- Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб: Алетейя, 2003.
- Кибрик А. Е., Казенин К. И., Лютикова Е. А., Татевосов С. Г. (ред.). Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М.: Наследие, 2001.
- Кибрик А. Е., Тестелец Я. Г. (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999.
- Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Майсак Т. А., Мерданова С. Р. «Проверятельная форма» в агульском языке: структура, семантика и гипотеза о происхождении // Ю. А. Ландер и др. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 430—455.
- Панчвидзе В. Н. Грамматический анализ удинского языка. Тбилиси, 1974. [На груз. яз.]
- Салимов Х. С. Гагатлинский говор андийского языка. Махачкала: ИЯЛИ, 2010.
- Стойнова Н. М. Стойнова. Типология глагольных показателей рефактива: модели полисемии и структура семантической зоны. Дисс. ... канд. филол. наук. М., МГУ, 2012.
- Сулейманов Я. Г. Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с. Риквани). Дисс. ... канд. филол. наук. М., ИЯз АН СССР, 1957.
- Церцвадзе И. И. Андийский язык. Тбилиси: Мецниереба, 1965. [На груз. яз.]
- Aikhenvald, Alexandra Y. 2000. *Classifiers: A typology of noun categorization devices*. Oxford: Oxford University Press.
- Authier, Gilles. 2010. Azeri morphology in Kryz (East Caucasian). *Turkic Languages* 14(1). 14–42.
- Bisang, Walter & Andrej Malchukov (eds.). 2020a. *Grammaticalization Scenarios: Cross-linguistic Variation and Universal Tendencies. Vol. 1: Grammaticalization Scenarios from Europe and Asia*. Berlin/Boston: de Gruyter.

Bisang, Walter & Andrej Malchukov (eds.). 2020b. *Grammaticalization Scenarios: Cross-linguistic Variation and Universal Tendencies. Vol. 2 Grammaticalization Scenarios from Africa, the Americas, and the Pacific*. Berlin/Boston: de Gruyter.

Comrie, Bernard, Diana Forker & Zaira Khalilova. 2017a. General noun-modifying clause constructions in Hinuq and Bezhta, with a note on other Daghestanian languages. In Yoshiko Matsumoto, Bernard Comrie & Peter Sells (eds), *Noun-modifying clause constructions in languages of Eurasia: Rethinking theoretical and geographical boundaries*, 121–146. Amsterdam: John Benjamins.

Gardani, Francesco, Arkadijev, Peter & Nino Amiridze (eds). 2015. *Borrowed Morphology*. Berlin, München, Boston: De Gruyter Mouton.

Gil, David. 2013. Numeral Classifiers. In Matthew S. Dryer and Martin Haspelmath (eds.), *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/55>)

Gippert, Jost, Wolfgang Schulze, Zaza Aleksidze & Jean-Pierre Mahé. 2008. *The Caucasian Albanian palimpsests of Mount Sinai. Edition and interpretation*. 2 vols. Turnhout: Brepols.

Harris, Alice C. 2000. Where in the word is the Udi clitic? *Language* 76. 593–616.

Harris, Alice C. 2002. *Endoclitics and the origins of Udi morphosyntax*. Oxford: Oxford University Press.

Haspelmath, Martin. 1997. *Indefinite pronouns*. Oxford: Clarendon Press.

Haspelmath, Martin. 1993. *A grammar of Lezgian*. Berlin: Mouton de Gruyter.

Heine, Bernd & Tania Kuteva. 2002. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Heine, Bernd & Tania Kuteva. 2003. On contact-induced grammaticalization. *Studies in Language* 27(3). 529–572.

Johanson Lars & Martine Robbeets (eds). 2012. *Copies versus Cognates in Bound Morphology*. Leiden: Brill.

Kibrik, Alexandr E. 1998. Does intragenetic typology make sense? In Winfried Boeder, Christoph Schroeder, Karl H. Wagner, & Wolfgang Wildgen (eds.), *Sprache in Raum und Zeit: In memoriam Johannes Bechert*, Bd. 2: Beiträge zur empirischen Sprachwissenschaft, 61–68. Tübingen: Narr.

Kuteva, Tania, Bernd Heine, Bo Hong, Haiping Long, Heiko Narrog and Seongha Rhee. 2019. *World Lexicon of Grammaticalization*. Second, extensively revised and updated edition. Cambridge: Cambridge University Press.

Lazard, Gilbert. 1992. *Grammar of Contemporary Persian*. Costa Mesa, CA: Mazda.

Matsumoto, Yoshiko, Bernard Comrie & Peter Sells (eds). 2017. *Noun-modifying clause constructions in languages of Eurasia: Rethinking theoretical and geographical boundaries*, 3–21. Amsterdam: John Benjamins.

Narrog, Heiko & Bernd Heine. 2021. *Grammaticalization*. Oxford: Oxford University Press.

Narrog, Heiko & Bernd Heine (eds.). 2011. *The Oxford handbook of grammaticalization*. New York: Oxford University Press.

Narrog, Heiko & Bernd Heine (eds.). 2018. *Grammaticalization from a typological perspective*. Oxford: Oxford University Press.

Nichols, Johanna. 2017. Noun-modifying constructions and relativization in the central and western Caucasus. In Yoshiko Matsumoto, Bernard Comrie & Peter Sells (eds), *Noun-modifying clause constructions in languages of Eurasia: Rethinking theoretical and geographical boundaries*, 179–202. Amsterdam: John Benjamins.

Schiefner, Anton A. 1863. *Versuch über die Sprache der Uden*. (Aus den Mémoires de l'Acad. impériale des sciences de St. Pétersb., 7. Ser., tome VI, No 8.) St. Petersburg.

Schulze, Wolfgang. 1982. *Die Sprache der Uden in Nordazerbajdžan. Studien zur Synchronie und Diachronie einer süd-ostkaukasischen Sprache*. Wiesbaden: Harrassowitz.

- Schulze, Wolfgang. 2001. *The Udi Language: A grammatical description with sample text*. (Available online at <http://wschulze.userweb.mwn.de/Udigen1.htm>)
- Schulze, Wolfgang. 2015. Aspects of Udi-Iranian language contact. In Uwe Bläsing, Victoria Arakelova & Matthias Weinreich (eds.), *Studies on Iran and the Caucasus. In honour of Garnik Asatrian*, 373-401. Leiden: Brill.
- Schulze, Wolfgang. 2016. How much Udi is Udi? In Ramazan Korkmaz & Gürkan Doğan (eds.), *Endangered languages of the Caucasus and beyond*, 187-208. Leiden: Brill.
- Schulze-Fürhoff, Wolfgang. 1994. Udi. In Rieks Smeets (ed.), *The indigenous languages of the Caucasus. Vol. 3. North East Caucasian languages. Part 2*, 447-514. Delmar, N.Y.: Caravan.
- Smith, Peter W. 2013. On the cross-linguistic rarity of endoclitisis. *Berkeley Linguistics Society* 39. 227–244.
- Stilo, Donald L. 2015. An introduction to the Atlas of the Araxes-Iran Linguistic Area. In Bernard Comrie & Lucía Golluscio (eds.), *Language contact and documentation. Contacto lingüístico y documentación*, 343-355. Berlin: Walter de Gruyter.
- Stilo, Donald L. 2018. Numeral classifier systems in the Araxes-Iran linguistic area. In William B. McGregor & Søren Wichmann (eds.), *The diachrony of classification systems*, 135–164. Amsterdam: John Benjamins.
- Vanhove, Martine, Stolz, Thomas, Urdze, Aina & Hitomi Otsuka (eds). 2012. *Morphologies in Contact*. Berlin: Akademie Verlag.
- Wiemer, Björn, Wälchli, Bernhard & Hansen, Björn (eds). 2012. *Grammatical replication and borrowability in language contact*, Berlin, Boston: De Gruyter Mouton.
- Zimmerling, Anton. 2016. *Towards a typology of endoclitics*. Paper presented at the conference ‘Typology of Morphosyntactic Parameters – 2016’, Moscow. (Available online at <https://www.academia.edu/28392976/>)